

НУАР ОСТРЫЙ КАК БРИТВА,
НЕЧТО СОВЕРШЕННО ИЗ РЯДА ВОН.
ЛИ ЧАЙЛД

Д Ж О З Е Ф
НОКС

**БЛУЖДАЮЩИЙ
В ТЕМНОТЕ**

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Джозеф Нокс
Блуждающий в темноте
Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Эйдан Уэйтс», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67321503
Джозеф Нокс Блуждающий в темноте:
ISBN 978-5-389-21090-5

Аннотация

Впервые на русском – новое продолжение «лучшего британского дебюта в жанре детектива за долгие годы» (Crimescene Magazine), «нуар острый как бритва, нечто совершенно из ряда вон» (Ли Чайлд). Первый роман про Эйдана Уэйтса, «Сирены», стал в Англии главным бестселлером среди детективных дебютов года (тираж 100 тыс. экз.), был переведен на 18 языков, и в настоящее время студия Lookout Point («Подходящий жених», «Джентльмен Джек») готовит экранизацию всей трилогии.

Детектив-констебль Эйдан Уэйтс и его напарник детектив-инспектор Сатклиф временно сняты с привычного ночного патрулирования. Им поручено дело поважнее: караулить у больничной койки доживающего последние дни Мартина Вика – массового убийцы, окрещенного журналистами Лунатиком.

Вик утверждает, что не помнит, как убивал, – якобы уже очнулся весь в крови; отсюда и прозвище. Но когда отключение электричества погружает больницу (а с ней и полгорода) во тьму, неизвестный злоумышленник совершает дерзкий налет на тщательно охраняемую палату Вика – и последние слова Лунатика отправляют Эйдана Уэйтса на поиски самого настоящего сердца тьмы...

«Джозеф Нокс – главная надежда британского криминального романа, а „Блуждающий в темноте“ – возможно, лучшая его книга» (*The Times*).

Содержание

I	12
1	12
2	18
3	20
4	24
5	36
6	39
7	41
8	44
9	48
10	64
11	67
12	70
II	73
1	73
2	80
3	88
4	94
5	98
6	113
7	118
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Джозеф Нокс

Блуждающий в темноте

Joseph Knox

THE SLEEPWALKER

Copyright © 2019 by Joseph Knox

All rights reserved

Серия «Звезды мирового детектива»

Перевод с английского Елены Матвеевой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

© Е. В. Матвеева, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Элизабет К.

*Стремление рисковать – последний серьезный
изъян рода людского. Выходим из тьмы, во тьму*

возвращаемся. Для чего же и жить во тьме?

Джон Фаулз. Волхв

(перевод Б. Кузьминского)

Тесса собралась на несколько минут раньше и теперь стояла на пороге, наслаждаясь вечерним ветерком. Еще не вполне стемнело, и ей казалось, что она уже много лет не находила времени полюбоваться такими красочными нежно-голубыми сумерками. Похожими на знак, на обещание, что все лучшее – впереди. Ее рука невольно потянулась к животу.

На тихой улице слышно было, как соседская девочка разучивает на фортепиано бетховенскую «Лунную сонату». Ее исполнение значительно улучшилось. Еще несколько месяцев назад она то и дело спотыкалась, теперь же музыка лилась естественным потоком. Улицу осветили фары, и к дому Тессы подъехал матово-черный «мерседес». Ровно в назначенное время. Из машины вышел водитель в элегантном темном костюме и темных же очках и направился к дому.

– Мисс Кляйн?

– Просто Тесса.

Он спросил, можно ли взять ее чемодан, и она заметила свое отражение в стеклах его очков. Усмешку в своем взгляде: ей редко задавали подобные вопросы. Она последовала за водителем к машине. Тот придержал ей дверцу, убрал чемодан в багажник, затем сел за руль и поинтересовался, явно улавливая шутку:

– Куда едем?

– Пусть будет сюрприз. – Губы Тессы расплылись в улыбке.

Водитель кивнул в зеркало заднего вида и выехал на дорогу. Тесса смотрела на дома, светящиеся окна с остающимися за ними людскими судьбами. Веки потяжелели, сомкнулись... Когда она снова открыла глаза, за окном было совсем темно. «Мерседес» свернул на узкую проселочную дорогу; под колесами захрустел гравий. Впереди показался маленький коттедж с темными окнами. Водитель подрулил к нему и выключил зажигание.

– Вот и сюрприз.

В наступившей тишине Тесса слышала свое дыхание. Водитель вышел из машины, достал чемодан из багажника, открыл дверцу.

Потом включил фонарик, и они пошли к дому.

– Ищем кактус, – сказал водитель, обследуя цветочные горшки вдоль стены.

Тесса приподняла один и нашла под ним ключ. Дверь открылась со звуком, похожим на вдох, будто бы дом все это время задерживал дыхание. Тесса нащупала рукой выключатели, нажала все подряд. Лампочки были энергосберегающие. Именно такие она и предпочитала. Тесса улыбнулась при мысли, что, возможно, их поставили специально для нее. Мягкий свет не доставал до углов, отчего комната казалась больше, чем на самом деле. Просторная, с открытой плани-

ровкой, совмещенной кухней и гостиной. Потолок пересекали широкие деревянные балки. Тесса ненадолго забыла о присутствии водителя и обернулась на вежливое покашливание:

– Извините. Да, поставьте куда-нибудь.

Водитель прошел в комнату и поставил чемодан у дивана.

– Хотите что-нибудь выпить? – спросила Тесса, заходя на кухню. – Правда, я не знаю, где здесь что. Наверное, надо подождать его светлость.

Водитель не ответил. Тесса снова повернулась к нему. Он стоял гораздо ближе, чем ей казалось. Как ему удалось подойти так тихо?

– Боюсь, он не приедет.

Тесса отшагнула от него:

– Какая-то проблема?

– Можно и так сказать. – Выражение глаз водителя скрывали темные очки. – Все кончено, мисс Кляйн.

– Ладно, – сказала она, вновь заметив свое отражение в стеклах очков; теперь в нем сквозил испуг. – Ладно, тогда я поеду домой, – как можно спокойнее произнесла она.

– Все кончено, – повторил водитель так, будто эти слова все объясняли.

– Вы не поняли. – Тесса с облегчением улыбнулась; ей в голову пришел ответ. – Мы были вместе, вчера... – Она вспомнила, как их тела сплетались на полу в его кабинете, как она положила голову ему на грудь, прислушиваясь к би-

ению его сердца, будто подбирала код к сейфу... – Я беременна.

– Вот именно, – подтвердил водитель, словно благодаря ее за то, что она первая затронула щекотливую тему. – Поэтому просто сядьте. – Он указал на стул у письменного стола. – Сделаете кое-что, и мы в расчете. Я сяду здесь. – Он коснулся дальнего стула.

– Спасибо, я лучше постою.

– Хорошо. Тогда я тоже. – Водитель достал из кармана ручку и лист бумаги и положил их на стол. Потом подвинул ей, и она поняла, что они взяты из ее дома.

– Нужно, чтобы вы кое-что написали.

– Если это насчет ребенка...

– Нет-нет, – заверил он. – Берите ручку, все очень просто.

Не отрывая от него взгляда, Тесса взяла ручку.

– Хорошо. А теперь напишите вот это. – Водитель достал из другого кармана листок бумаги с напечатанным текстом и подвинул его Тессе по столу.

Она прочла начало и отшатнулась, прикрыв рот рукой.

– Дайте мне поговорить с ним.

Водитель не шевельнулся.

– Я не стану это писать. Ни за что.

Водитель снял очки и посмотрел на нее с таким сочувствием, будто ей удалось его разжалобить. Потом достал из кармана какую-то штуку. Кусачки.

– Извините. – Он снова пошарил в карманах. – А, вот

оно. – Он опустил на стол тяжелый конверт.

– Деньги? – с недоверчивым облегчением спросила Тесса. – Откупиться от меня хочет?

Водитель молча ждал, не глядя на нее. Тесса открыла конверт и высыпала содержимое на стол.

Глянцевые фотографии.

На первой – ее мать за работой в магазине. На второй – отец за рулем своей машины. На остальных – сестра с мужем и их малыши: Сара и Макс. На трех последних снова племянники, спящие в кроватках. Тесса подняла взгляд, не в силах ни говорить, ни дышать.

– Во всем этом есть и положительный момент, – произнес водитель. – Вы можете спасти им жизнь, Тесса. Одной запиской.

– Я вам не верю, – сказала она, задыхаясь. – Я не...

Водитель достал из кармана телефон, пролистнул что-то на экране, подвинул ей по столу. Тесса увидела домашний номер телефона сестры, по которому не звонила много лет. От прилива адреналина задрожали пальцы, но она нажала «вызов», смело глядя в лицо водителю. Трубку сняли сразу же.

– Приняли решение? – спросил незнакомый мужской голос.

– Кто вы?

– Вас должно интересовать, где я. И где буду, когда ваша сестра с детьми вернется домой через десять минут. Пиши-

те записку, Тесса. Не знаю, как еще облегчить их участь. – Трубку положили.

Телефон в руке Тессы внезапно стал скользким. Она выронила его, огляделась, опустилась на стул и вытерла влажную ладонь о блузку. Неровным почерком списала две строчки, на третьей задержалась.

«Не ищите меня, – говорилось в ней. – Я устроила все так, что мое тело никогда не найдут».

Как можно медленнее она вывела последнюю строчку и подписала записку первой буквой имени. Подняла взгляд. Водитель стоял совсем близко, почти у нее за спиной.

– Меня будут искать, – сказала Тесса.

– Но не найдут. – Водитель огладил ее плечи. – Совсем ничего. Это из-за ребенка. Еще выведет на него, а он... Он человек семейный.

Тесса неотрывно глядела в пустоту комнаты. Ей чудились звуки пианино вдалеке.

– Слышите? – Она подняла руку и прислушалась.

– Людям часто что-нибудь мерещится, – ответил водитель. – Что вы слышите?

– Бетховена, – ответила она, переводя взгляд на кусачки. – «Лунную сонату».

Водитель взял ее за плечи. Она посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Он сжал ей плечи, будто по-дружески, и улыбнулся в ответ:

– Это ли не чудо?

I

Люди ночи¹

1

Позже эти выходные назовут пропащими. Из-за веерных отключений целые районы города остались без электричества с обеда пятницы до вечера субботы, и центр города на это время вновь стал волнующе-незнакомым. Без подсветки небоскребов, без уличных фонарей, кричащих витрин и фасадов к людям вернулась непосредственность, которой они были лишены еще несколько часов назад. Старики сподобились выйти дальше двора и говорили, что вон, мол, созвездия, которые не было видно десятилетиями, а подростки стайками шастали по улицам, несмотря на комендантский час, и пугали друг друга, светя фонариком телефона в лицо. Когда электричество включилось, город вновь засиял, ослепив огнями прохожих, словно зрителей яркого бродвейского шоу. Чувствовалось какое-то всеобщее воодушевление. Люди будто впервые увидели друг друга и старались с макси-

¹ «Night People» – композиция американской постметал-группы *Deafhaven* с четвертого студийного альбома «*Ordinary Corrupt Human Love*» (2018). – *Здесь и далее примеч. перев.*

мальной пользой расходувать ценное отпущенное им время.

В темноте возникло ощущение, что можно легко исчезнуть или родиться заново – просто перейдя из старой жизни в новую. Пока я шел на работу, это чувство казалось мне всеобщим, разлитым в воздухе, но на самом деле оно было только моим. Больше тридцати ночей кряду я сидел в больнице Святой Марии рядом с Оксфорд-роуд и наблюдал за тем, как умирает серийный убийца.

Когда дали свет, я как раз был там.

Маленькая палата в пустом коридоре, только я и Мартин Вик. Он был привязан к койке, от слабости не смог бы стоять, да даже рукой помахать бы мне не смог, если бы захотел. Тощие руки еле двигались и худели так быстро, что сдерживающие их ремни каждое утро приходилось затягивать заново. Так что и без света не было нужды приглядывать за ним и беспокоиться. Вот только за несколько секунд до включения резервного генератора мне показалось, что я его вижу.

В темноте он всегда виделся отчетливее.

Его глаза будто светились изнутри холодным пламенем, которое грозило не угаснуть и после того, как жизнь покинет тело. К моему облегчению, электричество вернулось, и палату наполнил приглушенный свет.

Я поднял взгляд. Мартин Вик улыбался.

Он сказал, что не помнит, как убивал. Отсюда и прозвище. Никто не поверил тому, что он якобы уже очнулся весь в крови. Газетные заголовки, статьи, сайты, называющие его

Лунатиком, исходили сарказмом. Даже тем, кто не знал о его преступлении, становилось не по себе в его присутствии. Однажды новенькая медсестра сказала, что над ним будто висит проклятье, однако она явно была не в курсе всей истории.

Проклятье уже сработало.

Сбило его с пути много лет назад и завело в дебри. Для таких, как Мартин Вик, не было дороги назад, к людям. Если верить ему, он не имел понятия, как получилось, что он окончательно заплутал в жизни и оказался привязанным к больничной койке. И как вообще сюда попал.

Это если верить.

Несмотря на внутренний блеск, глаза его были безжизненными, черными, двигались медленно. Иногда он спал с широко открытыми глазами. Зрачки сливались с радужкой, так что не поймешь, куда он смотрит: то ли перед собой, то ли прямо на тебя. Иногда казалось, что ни туда и ни сюда, а иногда – что сразу всюду. А когда его взгляд останавливался на моем лице, появлялось ощущение, что за мной наблюдает скрытая камера и некто в голове Вика медленно, кадр за кадром, просматривает запись в поисках уязвимого места.

Моя работа заключалась в том, чтобы сидеть возле него по десять часов кряду на случай, если он что-нибудь скажет или сделает, и записывать каждое движение. Иногда он молчал все дежурство. Так молчат, когда пытаются не выдать какую-то тайну, – будто сжимаешь в кармане мелочь, идя по неблагополучному району. Вот он и старался не звякнуть,

чтобы унести секреты с собой в могилу.

На самом деле он просто выжидал.

Примерно через час я краем глаза уловил какое-то движение и оторвался от книжки. Вик потянулся за блокнотом. Взял ручку и, скривившись оттого, что ремень удерживает руку, что-то написал. Почерк у него был мельчайший, и если бы я не читал расшифровку его признания с едва заметной подписью на каждой странице, то подумал бы, что головоломные записки нужны лишь для того, чтобы сдернуть меня с места.

– Не вставай, я подойду, – пошутил я, закладывая страницу в книгу.

В свете больничных ламп лицо Мартина Вика казалось совсем белым. «Белее спермы Гитлера», по выражению Сатти. Результат двенадцати лет непрерывного курения в тюрьме особо строгого режима и последовавшего за этим диагноза «рак легких». Лицо Вика напоминало лоскут старой ветоши, а кожа стала тоньше древнего пергамента. Под ней скрывалось нечто вовсе неприглядное. Одно легкое ему удалили, а второе было пронизано узлами опухоли – очевидно, потому, что до заключения в «Стренджуэйз» он работал в шарашке по удалению асбеста.

Вик заканчивал писать, а я смотрел на кардиомонитор. Остроконечные пики и впадины на экране напоминали полиграмму с результатами проваленной проверки на детекторе лжи. Наконец Вик бессильно уронил ручку на кровать. От

блокнота меня слегка ударило током. Постель странным образом электризовалась от любого движения Вика, будто по его телу циркулировала опасная энергия, а не просто дурные флюиды. Меня не покидало ощущение, что он каждый раз пытается передать ее мне.

В блокноте было очень мелко и без отрыва написано «Сатти». Я бросил его на одеяло, чтобы не касаться Вика, и направился к двери. Я сменил на посту Сатти – моего начальника – всего час назад, но указания были четкими. Пока Вик не освободит палату навсегда, он получает все, что просит.

– Надеюсь, у тебя действительно есть что ему сказать, Мартин, – пробормотал я, открывая дверь.

– Какая разница?

Я обернулся. Более чем за месяц Мартин Вик ни разу со мной толком не заговорил. Он ухитрился сдвинуть кислородную маску; блестящие черные глаза смотрели то ли в потолок, то ли прямо на меня. Может, ни туда и ни сюда, а может – сразу всюду.

Он покашлял, прочищая единственное легкое, потом произнес натужным шепотом:

– Пусти свою жизнь под откос, сынок... Все зазря...

Я поглядел на его лицо, покрывшееся испариной от усилий, потом кивнул и вышел. По пути к посту охраны невольно вытер ладони о брюки, думая про заразные искры и гадая, не почудились ли мне слова.

Уже много недель мне казалось, что я и не сплю, и не

бодрствую. Всякий раз, заступая на дежурство, я будто впадал в анабиоз или во временное помешательство. Так что когда свет снова погас, я продолжал идти по стенке. Охранник обернулся, ослепив меня светом фонарика, пристегнутого к винтовке «Хеклер и Кох», но я не испугался. Как был, так и остался беспомощным, блуждающим в темноте.

2

Видеозапись ареста Мартина Вика я видел всего один раз, несколько лет назад, но она произвела на меня сильное впечатление. Все произошло ранним утром, примерно за час до рассвета. Сначала полная темнота, потом дверь вокзала закрылась, и на фоне серого фасада обозначился силуэт Вика.

Голова и плечи поникли, как у тряпичной куклы. Он вышел на свет, подволакивая ногу. Вся одежда казалась черной, и даже при плохом качестве записи стало видно, что пуговицы куртки застегнуты криво, из-за чего она сидела мешком и сбилась на одно плечо. Дерганой походкой Вик прошел по безлюдному залу к пустой билетной кассе.

Зернистое изображение с камеры за кассой соответствовало ситуации. Вика будто окружало облако статического электричества, дымка, размывающая силуэт по краям. Затем он вышел под грязновато-желтый свет ламп и полностью очутился в кадре. Воротник рубашки загнут, один рукав куртки засучен, другой вытянут, штанины перекручены – швы криво тянутся по ногам.

И вроде бы на нем был только один ботинок.

Растянутый, мокрый носок на правой ноге оставлял на полу красные следы. У кассы стало видно, что вся одежда блестит от влаги и как-то странно прилипла к телу. Призрачный и далекий синий свет мигалок, возникший у него за спиной,

приближался, пульсировал в окнах.

Мартин Вик поднял голову и с бессмысленным выражением уставился на окошко кассы. Затем его взгляд переместился на собственное отражение в оргстекле, и он шагнул назад. Лицо его исказилось от ужаса, будто один ночной кошмар сменился другим. Он отшатнулся от своего отражения и случайно взглянул в камеру, которая до этого засняла его путь по залу.

Позже этот взгляд станет темой бесконечных дискуссий.

Было ли это реакцией невинного человека, не осознававшего, где он и что делает, или расчетливыми действиями психопата, стремящегося официально задокументировать свой спектакль? Вик осел на пол и лежал, подрагивая и пуская пену изо рта.

Спустя несколько часов полиция обнаружила убитую семью в доме с распахнутой дверью.

Мартин Вик прошел по городу в одежде, пропитанной кровью пятерых, и следующие двенадцать лет провел в тюрьме «Стренджуэйз».

Но этого было недостаточно.

3

Детектив-инспектор Сатклифф не брал трубку, но отыскался в первом же месте, куда я заглянул. «Темпл» был маленьким подвальным баром под Грейт-Бриджуотер-стрит, всего в двадцати минутах ходьбы от больницы. В викторианские времена тут находился подземный общественный туалет, а в восьмидесятых годах прошлого века из него сделали рок-н-рольную забегаловку. Маленькие, тесно поставленные столики, всюду концертные флаеры, афиши туров и граффити. Сатти в углу втолковывал что-то одному из посетителей. Для пущей доходчивости, подняв собеседника за уши и прикладывая его головой об стену в ритме барабанного боя.

Потом увидел меня и, изобразив трагическую мину, прокричал сквозь музыку:

– Надо же! Мистер Великая Депрессия собственной персоной. За пивом пришел, вместо того чтобы в очереди за хлебом стоять?

– Вик хочет с тобой поговорить.

Сатти кивнул, опустил посетителя на землю и велел ему исчезнуть.

– Странно, не находишь?

– Что странного? – Я проводил взглядом бедолагу, потирающего уши.

Сатти вытер бровь и отмерил мне порцию землисто-желтой ухмылки:

– Что Вик настолько предпочитает меня тебе.

– Да, странно. Он сегодня разговорчивый...

– Да ну?

Сатти было непросто удивить, а эта новость определенно привлекла его внимание.

– Может, пробил его час. Что сказал?

– Чтоб я пустил свою жизнь под откос.

Сатти фыркнул и вернулся к своему бокалу:

– Да ты уже перевыполнил его наказ.

Глядя на то, как Сатти пьет, было сложно не согласиться.

Телосложением мой напарник напоминал фляжку для спиртного. Массивная голова, плотно сидящая на широких плечах, и зловонное от виски дыхание. У него было странное, даже отталкивающее лицо. Бескровно-белое с какими-то буграми. Однако оно соответствовало его характеру – этакий ярлык на пакетике с крысиным ядом. Сатти никогда не гладил свои костюмы, ткань так натягивалась на его телах, что казалась идеально отглаженной. Он со стуком опустил на столик бокал и посмотрел на меня так, будто впервые видит:

– А может, ты просто решил устроить себе выходной? Твоя бывшая ведь тут работала?

– Давно уволилась, – сказал я, ища в карманах записку Вика.

– Одна из многих. Наверное, потому, что ты слишком часто сюда заходил.

– Или кто-то из нас двоих.

Я наконец нашел сложенный листок.

– Угу, – буркнул Сатти, изучая его. – Жаль, нельзя ему руки за спиной связать. – Он взял пиджак с барного стула и втиснулся в него, как в смирительную рубашку. – Ну, веди тогда, гендеркинд, к своему хренмобилю.

– Увы, я пешком, – ответил я.

– Тогда я беру такси. Ты со мной. Как только Вик снова закемарит, продолжишь дежурство.

Я кивнул и пошел за ним к выходу.

Мы поднялись по ступенькам на улицу и поймали такси. Всю дорогу смотрели на проплывающий мимо город. Волонтеры из благотворительных организаций подходили к бомжам с ошалелыми взглядами. Упившиеся юнцы хорохорились по пути из одного паба в другой. Девушки скользили стайками по улицам, до упаду смеясь над жизнью. Раньше мы так и патрулировали улицы, но с тех пор все изменилось. Сатти сидел рядом и с ворчанием втирал в ладони антисептический гель. Он приканчивал по пузырьку в день, но почему-то для полной чистоты этого не хватало. Иногда мне казалось, что он пропитывается алкоголем через поры в коже.

Двое мужчин заносили в больницу девушку-подростка без сознания, держа ее словно скатанный в рулон ковер. Мы вошли в вестибюль. Свет на мгновение погас, но тут же за-

жегся. Я огляделся. Уличная резня, драки, ножевые ранения... Растерянные, потрясенные люди. Пьяные, под кайфом, с травмами, после которых их жизнь не будет прежней. Болезненно тощие матери-одиночки на продуктовом пособии, болезненно одутловатые младенцы. Мы оба обернулись на шум. Девушка очнулась, вырвалась из рук благодетелей и бросилась обратно на улицу. Единственный разумный человек.

4

После теракта двадцать второго мая² вооруженные полицейские в городе стали обыденным зрелищем.

Но видеть такого в больнице все равно было непривычно.

Больничным фондом поупирался, но мы предъявили уведомления об угрозе жизни из личного дела Вика. Предупредительные письма, которые правоохранители были обязаны по закону доставить осужденному при получении достоверной информации о таких угрозах. За годы заключения в деле Вика накопилось столько грозных уведомлений, что за час работы комиссии мы даже не успели зачитать все. Дальше комиссия слушать не захотела и тут же распорядилась выставить вооруженную охрану возле палаты.

Таков и был план.

Все отведенное время обсуждать угрозы в адрес заключенного, чтобы мы не успели доложить о состоявшихся попытках покушения. Один сокамерник воткнул ему в ухо заточку из шариковой ручки, другой пытался повесить его на простынях. Но изобретательнее всех была попытка сокамерников замочить Вика в сортире. Унитазы в камерах сконструированы так, чтобы не допустить подобного коллективного покушения: в систему смыва подается слишком малое

² 22 мая 2017 г. террорист-смертник подорвал себя на стадионе «Манчестер-Арена» во время концерта американской певицы Арианы Гранде.

количество воды. Согласно отчету о происшествии, понадобилось не меньше пяти заговорщиков с полными мочевыми пузырями, чтобы нужный уровень жидкости продержался в чаше с минуту или дольше, пока голова Вика будет там находиться. Надзиратели подоспели вовремя, но, пожалуй, все вздохнули с облегчением, когда у него диагностировали смертельную болезнь и перевели его в больницу.

Нам с Сатти сказали, что по возможности один из нас должен постоянно находиться около заключенного. Не потому, что он представляет угрозу, а потому, что приближение смерти может сделать его разговорчивее. Ведь даже спустя двенадцать лет после ареста вопросов к нему оставалось немало.

Когда мы только получили это задание, говорилось, что Вику осталось жить дней пять-шесть, и я почувствовал облегчение оттого что мы не застрянем здесь надолго.

Прошло пять недель.

Присутствие Сатти обладало живительным действием. Он будто тянул жизненные соки из меня и питал ими нашего заключенного. К концу первой недели я уверился, что Вик вот-вот умрет. К третьей думал, что он крепнет, на исходе четвертой – что выздоравливает. Теперь, в конце пятой недели, я опасался, что Мартин Вик будет жить вечно.

Держать у себя преступника, которого ненавидит вся страна, – дело щекотливое, так что было решено тайно разместить Вика на первом этаже, в старом ремонтируемом

крыле больницы. Оно занимало четверть этажа и имело только один вход. Лифт отключили, палату временно отгородили от остального отделения. Доступ туда осуществлялся через пожарный выход, ведущий к бетонной лестнице. Чтобы перейти в основной корпус, надо было спуститься по ней, пройти через регистратуру и подняться по главной лестнице по ту сторону перегородки. Теоретически это означало, что в палату Вика есть только один путь.

На практике же я чувствовал себя, как крыса в капкане.

Я поднялся по лестнице, а Сатти чуть поотстал. За конторкой бывшего сестринского поста сидел охранник по фамилии Ренник. В полном тактическом облачении: бронежилет, перчатки без пальцев, новая черная фуражка. С множеством прибабасов, пристегнутых к жилету, – наручники, рация, электрошокер, пистолет, аптечка и патроны – он походил на игрушечного солдатика. Ренник с улыбкой перелистывал газетные страницы и почесывал ухо дулом штурмовой винтовки.

Пугать его не хотелось.

– Ренник, – тихо позвал я.

– Уэйтс, – ответил он, не поворачивая головы.

Положил газету на конторку и встал, одним движением отвернув дуло от меня.

– Ты же себе чуть башку не раскроил.

– На предохранителе стоит, – спокойно ответил он.

– За мной топают Сатти, так что лучше шевелись.

Ренник посмотрел на меня тем еще взглядом и с лентой выдвинулся из-за конторки, будто сам об этом подумал. Я не возражал. Реннику было лет двадцать пять – года на четыре-пять меньше, чем мне, – но мы с ним в одном чине. Недавно я сдал экзамен на звание сержанта, хотя и не ожидал повышения. Мое личное дело было так запятнано, будто его окунули в дерьмо.

Сатти распахнул дверь и прошествовал мимо меня к посту. Вывернул карманы, достал телефон и навалился на конторку, расставив ноги.

– Обыскивать будешь?

Ренник молча подвинул ему лист учета посетителей. Сатти выпрямился, накорябал свое имя и пошел дальше. Он обладал уникальной способностью выводить людей из душевного равновесия и прямо-таки черпал из этого жизненные силы. В палате Вика рывкнул с порога:

– Ну, как тут мой храбрец-удалец?

Ренни с отвращением покосился на лист учета посетителей:

– Он всегда таким был?

– Сколько я его знаю.

Ренник поглядел в сторону палаты, пытаясь сохранять невозмутимое выражение лица, но любопытство победило.

– Вы оба по ночам дежурите... – кивнул он, держась за винтовку.

– За грехи сослали, – пояснил я.

У нас с Сатти на двоих было их столько, что священник в ужасе сбежал бы с исповеди. Ночные смены считались низшей ступенью службы в полиции и обладали мрачной привлекательностью для тех, кто в них не работал.

Постоянно по ночам дежурили только двое.

Я и детектив-инспектор Сатклифф. Остальные чередовали работу в дневные и ночные смены, а к нам относились с подозрением: вдруг это заразно и им тоже будет грозить вечная ссылка в ночную смену. В результате мы имели дело с самым дном преступного мира в одиночку, без контроля и вмешательства со стороны полиции в целом. Наше законное пребывание на улицах в городе с бурной и увлекательной ночной жизнью продолжалось с вечера до раннего утра. Время от времени к нам попадали проштрафившиеся коллеги, но потом либо брались за ум, либо подавали в отставку.

Мы с Сатти перевоспитанию не подлежали.

– Детектив-инспектор Питер Сатклифф... – прочел Ренник. – Не очень-то ему повезло с именем³.

Из палаты доносилось тихое бормотание.

– По мне, так ему подходит, – ответил я.

Ренник ухмыльнулся:

– Я сержанту нашему сказал, что вас двоих приписали к Вику. Так он говорит, я, наверное, ослышался, потому что

³ *Питер Сатклифф* (1946–2020) – британский серийный убийца, прозванный Йоркским Потрошителем; арестован в 1981 г. и приговорен к пожизненному заключению за 13 убийств на сексуальной почве, совершенных в период с 1975 по 1980 г.

те, кто в ночной смене, не способны даже сосчитать елдаки в сортире.

– Только елдаки в больничном отделении, Ренни.

– Не знал, что людей нашего возраста вообще посылают в ночную смену. – Он не обратил внимания на колкость. – В смысле, на постоянку... – Ренник понизил голос. – Чем ты такое заслужил?

– Да ничем особым. – Видя, что он ждет продолжения, я добавил: – Сделал то, что нужно, не так, как нужно.

– А я другое слышал, – ухмыльнулся Ренник. – Больше не употребляешь? – В ответ на мое молчание он продолжил: – А то с чего вдруг такие перемены? Особо важное дело доверили.

Разумеется, он считал дело особо важным. Раз он к нему причастен.

– Сатти был одним из тех, кто арестовал тогда Вика.

– Да ну? – Ренник явно впечатлился. – А я думал, что Блейк.

– Блейк добился от Вика признания вины, но первым на место прибыл Сатти. В полицию поступило сообщение, что по городу разгуливает человек в окровавленной одежде, и Сатти все бросил и помчался на вызов.

Ренник непонимающе сдвинул брови:

– То есть двенадцать лет спустя его сдернули с ночной смены, чтобы он держал умирающего Вика за руку? Не понимаю.

– Знаешь ведь, что одного ребенка так и не нашли.

– Конечно, – ответил он. – Девочку. Лиззи Мур.

– Верно. – Я кивнул на палату в конце коридора. – Умирающий Вик – последняя возможность для родственников узнать, что он с ней сделал.

– Да, но вас-то почему к нему приставили?

– Как бы ты назвал Вика одним словом?

– Сволочь, – не раздумывая ответил Ренник.

Я кивнул:

– Ну так вот Сатти говорит с ним на одном языке. Причем бегло. Они поладили тогда, во время ареста. Начальство решило, что только Сатти сможет его разговорить.

– Поладили? – Ренник скривился; у него как будто даже волосы встали дыбом от возмущения. – Вик убил женщину и троих детей...

Я кивнул, но это было трудно объяснить.

На первый взгляд у Сатти было больше общего с преступником-рецидивистом, нежели с полицейским. Кроме одного. Преступники действовали под влиянием порыва, в гневе или ради денег. Сатти же привлекал сам акт злодеяния, и чем хуже – тем больше. Его работа в правоохранительных органах была просто способом постоянно находиться в этой атмосфере, не рискуя собственной свободой. Если ночное дежурство выдавалось чересчур спокойным, Сатти организовывал неприятности сам.

В душе я был согласен с Ренником.

То, что нас перебросили на это задание, было чем-то необычным и даже невероятным, но я не хотел знать, что на самом деле стояло за этим решением. Когда ответы станут все мрачнее, вопросы перестаешь задавать.

Я не знал точно, что вызвало эти перемены, но Сатти явно приложил к этому свою продезинфицированную лапу.

– Какой он? – Ренник нарушил мой ход мыслей.

– Сатти?

Ренник закатил глаза:

– Мартин Вик.

– Не знаю, – ответил я, и Ренник состроил недоверчивую гримасу. – Кроме шуток, со мной он не разговаривает.

– Так ты с ним сидишь десять часов кряду...

– Записываю все, что он делает, и зову Сатти, если попросит.

– Ты, похоже, в рубашке родился.

– Ага, – подтвердил я. Вот только рубашка была смирительной.

Я обошел Ренника и перевернул газету на конторке. На первой полосе красовалась фотография нашего заключенного, Мартина Вика. Он сидел на больничной койке и ел хлопья с молоком. Фотографию сделали из коридора на мобильный телефон.

«Серийный убийца приканчивает жратву».

– Черт подери. – Я поглядел на Ренника.

– Не в мое дежурство, меня к завтраку всегда сменяют.

– Если Сатти увидит, он тебе в глаза насыт. – Я посмотрел на дату. Утренний воскресный выпуск. Через несколько часов увидят все. – Где взял?

– В регистратуре во время перерыва.

– И не подумал об этом сообщить?

– Не в мое же дежурство, – сказал он.

– Но ты же у всех выворачиваешь карманы?

Персонал сюда проходил только после досмотра. Присутствие санитаров, уборщиков, даже врачей и медсестер было строго регламентировано. Охраннику вменялось в обязанность обыскивать каждого.

Телефоны проносить было запрещено.

Ренник насупился:

– Конечно у всех.

Мы оба обернулись, когда Сатти с обеспокоенным видом вышел из палаты Вика. Я заслонил собой газету на конторке.

– Секунда найдется, Эйд? – спросил Сатти.

– Конечно...

Я вывернул карманы, сдал Реннику телефон и расписался. Последовал за Сатти на некотором расстоянии, не желая сразу сообщать плохие новости.

Стены закрывала пленка.

Вдоль них стояли ведра со штукатуркой и мусором. Ремонт отложили до смерти Вика.

Сатти придержал дверь туалета, будто приглашая меня в свой кабинет. Я нащупал выключатель. Сюда не заходили

неделями, возможно, это было самое чистое помещение в здании. Я присел на раковину. Сатти закрыл дверь и прислонился к ней, чтобы никто не вошел и не вышел.

– Вик говорит, что не просил меня звать...

– Просил. В записке. Если я ее неправильно понял, то извини, что притащил тебя сюда.

Сатти слушал меня молча. Только выражение лица менялось.

– Ладно, – наконец произнес он. – Верю. Значит, написал записку и хотел, чтобы ты ходил за мной. К чему бы это?

– Думаешь, умирает?

– Он уже несколько месяцев умирает. Привык уже, наверное, умирать. Не-а, тут что-то другое. Он как будто... не знаю... напуган.

– Думаешь, кто-то к нему подобрался? – спросил я, думая о газете.

Сатти не ответил.

– Зачем? И как? – Я понизил голос.

Сатти, ослабившись, поглядел на пол, затем приотворил дверь плечом. Выглянул в коридор и покачал головой. Я тоже выглянул со своего места. Ренник снова читал газету. Подперев подбородок дулом винтовки.

– Громила-дрочила. – Сатти вышел из туалета и со всей силы хлопнул дверью.

Чуть не выскочив из штанов, Ренник поспешно ухватился за винтовку. Повезло, что не разнес себе голову. Сатти по-

дошел к посту, заглянул в лист учета и уставился охраннику в лицо.

– Констебль, у заключенного были посетители во время нашего отсутствия?

– Что?

– Что, сэр, – поправил его Сатти. – Похоже, кто-то побеседовал с Виком, пока нас не было. Может, врач или медсестра левые зашли, а ты их не записал? Может, тебе любопытно стало, уж не знаю. Но человек, который готов был признаться, что он сделал с телом двенадцатилетней девочки, неожиданно замолчал.

– Мимо меня никто не проходил.

Взгляд Сатти упал на статью. Он увидел фото Вика на больничной койке и схватил газету. Я хорошо знал этот взгляд Сатти и порадовался, что он предназначен не мне. Словно горшок мочи, которая вот-вот забурлит. Сатти забрал свой бумажник с конторки и принялся пересчитывать деньги.

Ренник фыркнул:

– Да не трону я ваши деньги, сэр.

– Знаю, что не тронешь, – ответил Сатти. – Эйд, как прозвище у того ирландишки, который рекламировал свои услуги в «Восходящем солнце»?

Я задумался, припоминая.

– Вилли Подрывник.

– Ага, точно. Похвалялся, что за пятнадцать фунтов готов

сломать кому угодно что угодно. – Сатти хлопнул бумажником о конторку и надвинулся на Ренника. – Ну так вот, у меня имеется его номерок и две двадцатки, так что гони версию поубедительнее.

– Я во время завтрака не дежурю. Меня тут не было, когда фотографию сделали.

– Эйд, проверь-ка. – Сатти схватил газету со стола и пошагал обратно в палату. – И кофе принеси. Да чтоб чернее спринтеров на стометровке.

Я подождал, пока дверь захлопнется, кивнул в пространство и, не глядя на Ренника, направился к выходу.

На лестнице свет снова моргнул и погас. Сатти терял самообладание примерно так, как теряют ключи. Беспечно и совершенно бездумно. Порой казалось, что навсегда. Изредка он направлял свой гнев на людей, будто луч прожектора, который заставляет тебя замереть на месте и высвечивает то, что ты прячешь. Если его обеспокоила перемена в Вике, значит дело серьезное. То, что чутье сразу указало ему на Ренника, спокойствия не добавляло.

Смена предстояла долгая, а инциденты с огнестрельным оружием происходили постоянно.

Резервный генератор изволил завестись, и свет загорелся вполсилы. Я потер лоб в попытке взбодриться и шагнул в упорядоченный хаос, характерный для центральной городской больницы в выходные.

Как можно быстрее прошел по исцарапанному линолеуму приемного покоя, пробираясь сквозь толпу пациентов.

Только я удалился от суматохи на второй этаж, как бригада «скорой» провезла кого-то на каталке в операционную. В этой части здания не было окон, но обычно я определял время суток по состоянию поступающих пациентов. Этим вечером больные разной степени тяжести лежали на койках в коридоре, ожидая свободных мест в палатах. Я встал между койками, когда мимо пронеслась с каталкой вторая бригада,

а за ней почти сразу – третья.

Субботняя запарка.

Мимо промчалась последняя каталка, и я успел заглянуть в широко раскрытые невидящие глаза пациента с глубокой раной головы. Бригада завезла каталку в боковую палату, двери закрылись.

– Извините... – обратилась ко мне невысокая женщина, спешившая вслед за врачами по коридору.

Я попытался обойти ее, но она уперла ладонь мне в грудь. Вид у нее был ошарашенный и растерянный. На лбу кровь. Похоже на состояние шока.

– Вы здесь работаете? С ним все будет хорошо?

– Нет, – сказал я, отступая. – В смысле, не работаю.

Я помчался по коридору и, не оглядываясь, завернул за угол. Ноги сами несли меня вперед. Хотелось затеряться в лабиринте отделений и палат. В пустом коридоре я прислонился к стене и закрыл глаза.

У человека на каталке было снесено полголовы.

Наконец я подошел к кофемашине, поискал мелочь в карманах. От палаты Мартина Вика меня отделяло всего ничего, но из-за перегородки я добирался сюда десять минут.

Я опустил первую монету в щель и увидел свое отражение в черной пластиковой панели. Посмотрел вниз и заметил кровавый след от ладони, который оставила на моей рубашке встревоженная женщина. Четкий, хоть отпечатки пальцев снимай. Я сунул деньги обратно в карман и пошел в туалет

ЗАМЫВАТЬ ПЯТНО.

Над раковиной висел лист полированной стали. Зеркало наркоманы бы разбили на самодельные ножи. Сталь потускнела из-за вмятин и царапин, так как от листа все равно пытались оторвать хотя бы часть. Мое лицо в нем виделось сюрреалистично, будто искаженная, ненастроенная картинка из другого измерения. Я пригляделся. Темные круги под краснеющими глазами.

Значит, в зеркале я.

В первых двух дозаторах мыла не оказалось, но для комплекта я проверил и третий. Тоже пусто. Отказавшись от идеи отмыть пятно, я просто застегнул пуговицу на пиджаке.

Я уже открыл дверь, но тут из кабинки послышался странный звук.

Похожий на бульканье. На полу валялись надорванные пустые пакетики из-под жидкого мыла. Плоские и блестящие, они напоминали огромных раздавленных личинок. Из кабинки раздался другой звук. Долгий влажный поцелуй.

– Кто здесь? – спросил я.

Ответа не было.

Свет потускнел, я остановился на полпути к кабинке, догадавшись, что я увижу. Толкнул приоткрытую дверцу. Тощая девица в зеленом спортивном костюме с надвинутым на лицо капюшоном сидела на крышке унитаза и высасывала

мыло из пакетика. Говорили, что с такого пакетика пьянешь, как с шести рюмок водки. Правда, чище стать не получится, а вот побочные эффекты неслабые.

Амнезия, слепота и непроизвольное опорожнение кишечника.

Хотя бы далеко ходить не придется.

Ногти странной особы покрывал зеленый лак, а вокруг глаз красовались татуировки в виде пентаграмм разных размеров. Возраст я определить затруднился. Такой образ жизни резко накидывает скорость или значительно уменьшает расстояние на спидометре жизни. Зависит от того, как посмотреть.

Она грязно выругалась и присосалась к пакету.

Мне стало ее жаль, так что я не особо к ней приглядывался. Только кивнул. Дверца захлопнулась и закрылась на щеколду. В ответ на ругательство можно было пошутить, что помыла бы лучше рот, но слишком мрачная выходила шутка.

В заброшенное крыло я вернулся с двумя стаканчиками кофе. Ренник стоял навтыжку и даже не взглянул на меня, когда я поставил стаканчик на конторку. То ли уязвленная гордость не позволила, то ли что посерьезнее.

– Ну, за здоровье, – сказал я, но он не ответил.

Я шел к палате Вика так осторожно, будто мне на спину пришили бумажную мишень.

Из-за двери доносилось приглушенное бормотание. Я прислушался, потом постучал и вошел. Сатти сидел рядом с Виком и заканчивал рассказывать какую-то грязную историю.

– Нет, я, конечно, слышал, чтобы политики целовали детишек, но не взасос, как этот.

Обычно Сатти оживлялся, рассказывая пошлятину, но сейчас в его голосе не слышалось привычного задора. Видимо, он просто резко сменил тему.

– Черный. – Я протянул ему кофе.

Сатти взял стаканчик и оставил его исходить паром на столе. Потом с треском откупорил новый флакончик антисептика и натер им руки.

– Что, много народу сегодня?

Я кивнул и посмотрел на Мартина Вика. Мой приход будто нарушил какой-то важный момент, но взгляд блестящих

всевидящих глаз оставался неподвижным.

– Не спит?

– Сам, что ли, не видишь? – ответил Сатти.

– Как самочувствие, Мартин?

В лице Вика что-то промелькнуло, взгляд черных глаз остановился на мне. По спине пробежал знакомый холодок. Сатти приблизил ухо ко рту Вика и прислушался.

– Говорит, если в мире есть справедливость, то он выздоровеет.

– Если бы в мире была справедливость, мы бы остались без работы. Нет, серьезно, как он?

– Как раз собирались прочитать прогноз. – Сатти поднес к Вику газету.

Я пригляделся. На фотографии Вик выглядел смущенным и расстроенным.

– Цена жизни, – прочел Сатти заголовок. – Как сообщают наши источники в больнице, мистер Вик цепляется за жизнь, но ему остались считанные дни. – Сатти опустил газету и посмотрел на заключенного. – Не верь тому, что пишут в газетах, Март.

Губы Вика зашевелились. Сатти наклонился к нему и хмыкнул, будто собираясь ответить на вопрос.

– Источником может быть любой, кто побывал в палате. Врач, медсестра, уборщица. Ты ведь не стал бы торговать информацией, а, Эйд?

– Да кто бы мне поверил, – ответил я. – Уверен, что он

хочет это читать?

Сатти открыл разворот с фотографией улыбающегося семейства. Их было пятеро. Мать, отец, две девочки и мальчик. Семейство Муров.

– А почему бы не проплыть по волнам памяти, да, Март?

Губы Вика вновь зашевелились, и Сатти наклонился к нему. Потом выпрямился с мрачным видом и медленно перевел взгляд на меня:

– Может, сходишь и отмоешь дерьмо с рубашки?

Я посмотрел на пятно засохшей крови у себя на груди и попятился к двери.

– Конечно. Смотри, кофе остынет.

Не глядя ни на меня, ни на кофе, Сатти повернулся к Виду. Я вышел в коридор. Из палаты снова слышалось бормотание Сатти. Я посмотрел на пост. Констебль Ренник пристально наблюдал за мной. Дуло винтовки нацелилось прямо на меня. Я направился к туалету, гадая, что все это значит.

8

Я включил свет. На полу валялся пустой пакетик из-под жидкого мыла. Такой же, как в туалете за перегородкой. Когда мы с Сатти тут разговаривали, его не было. Я посмотрел на дозаторы над раковинами. Пустые. Распахнул приоткрытую дверцу кабинки. Еще два пакетика плавали в унитазе. Я отшагнул, посмотрел наверх. Панели на потолке прямо над кабинкой не было.

Пульс участился, отреагировав на аномалию. Я вышел из туалета.

Ренник не сводил с меня взгляда.

– Все нормально? – спросил я.

Он не ответил.

– Все в порядке, констебль?

Ренник кивнул, а я прошел мимо него к лестничному пролету.

– У тебя кровь! – окликнул он.

За эти недели я столько ходил по этим ступеням вверх и вниз, что накачал ноги, и теперь быстро спустился на первый этаж, хлопая дверями. Протолкнулся сквозь толпу у регистратуры, надеясь, что у меня просто паранойя, и поднялся по центральной лестнице в отделение. Все так же многолюдно. Я пробрался по коридору к туалету, где видел наркоманку около двадцати минут назад. У писсуара стоял муж-

чина. Он посмотрел на меня тем еще взглядом, когда я забарабанил в стену кабинки.

Изнутри не доносилось ни звука.

Я отшагнул, посмотрел наверх. Здесь тоже не было панели на потолке. Я распахнул дверцу плечом. В унитазе плавал пакетик из-под мыла. Наркоманка либо смылась в унитазе, либо выбралась через потолок.

Я выругался.

Мужчина у писсуара ретировался, не вымыв руки. Я последовал за ним. Расталкивая пациентов и сотрудников, спустился по главной лестнице. Преодоле л лабиринт приемного покоя и снова ступил на лестницу. Лампы замигали, свет потускнел. Погас.

Я нащупал перила и вздрогнул.

Откуда-то шел сильный химический запах, и, кажется, кто-то спускался по лестнице. Сердце чуть не выпрыгивало из груди. Повеяло прохладой. Кто-то прошел мимо меня. Лампы снова зажглись. Я обернулся и увидел тощую в зеленом худи. Сначала она шла, потом побежала вниз по лестнице.

– Эй! – позвал я ее и вздрогнул, когда завывла пожарная сирена.

В узком пространстве лестничного пролета вой отдавался в висках, словно звук пневматической дрели. Я закрыл уши руками, помчался вверх по лестнице. Распахнул дверь на этаж и сразу понял, что что-то не так, потому что Рен-

ника на посту не оказалось. Сквозь вой сирены его было не дозваться. Я бросился к посту охраны, заглянул за конторку и отпрыгнул. Констебль лежал на полу, схватившись за шею. Сквозь пальцы струилась кровь, булькала в горле и пузырилась на губах, не давая вздохнуть.

Неожиданно из палаты Вика выскочил Сатти, охваченный пламенем, и заметался, натываясь на стены. По коридору прокатилась волна жара. Очнувшись от ступора, я сорвал со стены огнетушитель и принялся поливать Сатти. Он покапал по полу, сбивая с себя пламя. Включилась система пожаротушения, нас обоих залило водой. Огонь наконец погас.

Я пробрался мимо напарника в палату Вика, и в нос мне с ходу ударил смрад.

Почерневший Вик дергался в ремнях на все еще тлеющей койке. Я стал заливать его пеной из огнетушителя. Огонь потух, но осталась вонь горелой кожи и паленых волос. Я уткнулся носом в сгиб локтя. Хотел уйти, но еще живой Вик пытался привлечь мое внимание сквозь вой сигнализации.

Я подошел к нему, закрыл глаза и наклонился поближе.

– Не я, – произнес он.

От него исходил жар.

– Я знаю, Мартин...

– Не это, – быстро проговорил он.

Я посмотрел в черные глаза на обгорелом, покрытом волдырями лице. В них светился гнев.

– Муры, – прошептал он.

Кожа вокруг его рта треснула, он принялся бить меня кулаком в грудь. Возможно, говорил что-то еще, но сигнализация орала отовсюду. Вскоре он обмяк на догорающей кровати. Проверять пульс уже не было необходимости.

Шатаясь, я вышел из палаты. Обалделый, промокший до нитки. Сатти дополз до Ренника и пытался руками остановить кровотечение из его шеи.

Вода на полу окрашивалась в алый цвет.

Я ринулся мимо них, на лестницу. Три этажами ниже мелькнула убегающая фигура. Я погнался за ней, перепрыгивая через ступени, поскользываясь в мокрых ботинках, делая виражи на лестничных площадках.

В лестничный пролет виднелись еще силуэты внизу, а когда я сбежал на этаж ниже, дверь рядом распахнулась.

Толпа хлынула на улицу через пожарные выходы.

Сначала я еще видел убегающую девицу, но спустя несколько мгновений понял, что упустил ее. Я проталкивался сквозь толпу и орал, чтобы меня пропустили, но все равно добрался до первого этажа только через несколько минут. У выхода на меня смотрели с отвращением и изумлением. Видели потеки крови у меня на руках, на лице и на рубашке – свежие, влажные от воды. Я взобрался сначала на капот, а потом на крышу «скорой» и вгляделся в парковку, освещенную рассеянным светом натриевых фонарей.

Люди, паника, повсюду.

Шел пятый час утра. По статистике, в это время происходит наибольшее количество смертей. Хоть в чем-то мы опережали график. Я позвонил из «скорой» и вызвал подкрепление. Спустя считанные минуты пожарные уже оцепили здание. Я подробно описал прибывшим коллегам наркоманку и рассказал обо всех событиях, которые привели к нападению на Ренника. К обширным ожогам Сатти и убийству Мартина Вика. Я и сам мало что понял из своего рассказа, но старший инспектор кивком разрешил мне идти. Я встал, надеясь завалиться в какой-нибудь бар, но тут мне на плечо опустилась чья-то рука. В пухлой перчатке спецназовца.

– Суперинтендант Паррс, – сказали мне на ухо.

Я закрыл глаза, ожидая, что перед внутренним взором пронесется вся жизнь.

– Веди.

Спецназовец повел меня обратно, наверх по лестнице. Кожа зудела от грязи. Я провонял запахом крови, горелой плоти и паленых волос. При нашем приближении стоящие у каждой двери спецназовцы хватались за автоматы. Мой сопровождающий распахнул плечом последнюю дверь. Забрел свет, ветер взъерошил волосы.

Мы стояли на крыше больницы.

Площадка не предназначалась для прогулок, из настила

тут был только редкий гравий да сорняки, пробивавшие себе путь сквозь трещины в бетоне. Кое-где валялись ржавые банки из-под кока-колы, набитые сигаретными бычками, за грудой кирпичей виднелись пустые бутылки из-под джина. Спецназовец вытянул руку, будто ведущий игрового шоу, указывающий победителю на выигрыш.

Так не похожий на первый приз.

Суперинтендант Паррс стоял спиной к нам и смотрел на залитый светом хаос внизу. Серовато-седые волосы, серый плащ и брюки сливались с гематомно-лиловым небом, отчего Паррс казался неотъемлемой частью городского пейзажа. Еще не вполне рассвело, но на горизонте уже виднелась узкая полоса туманного света. Дверь за мной захлопнулась. Суперинтендант слегка повернул голову в знак того, что знает о моем присутствии, и я понял, что нас оставили одних.

– Эйдан Уэйтс. – Шотландский акцент Паррса прозвучал еще резче, чем обычно. Будто скрежет клинка о точильный камень. – Когда я услышал, что у меня стало на одного сотрудника меньше, то почему-то сразу подумал о тебе... – Он обернулся. Глаза его были до того налиты кровью, что он, наверное, видел все в красном цвете. – А ты жив-здоров.

– Нет худа без добра, сэр.

Паррс ничего не сказал. Я уставился в пол.

– Доброе утро, суперинтендант.

– Я бы назвал его скорбным, детектив-констебль. Эйдан Уэйтс снова феерично облажался.

Я всмотрелся в занимающийся рассвет и промолчал.

– Я получил доклад старшего инспектора Джеймса, – продолжал Паррс, и я непонимающе сдвинул брови, ведь я разговаривал с Джеймсом всего десять минут назад. – Он говорит, ты ничего не знаешь. Что ж, в этом есть доля правды. А не умолчал ли ты о чем-нибудь во время беседы?

Я изложил инспектору Джеймсу объективные факты и опустил субъективные предположения. Засомневался, упомянуть ли мой краткий разговор с Мартином Виком, и в итоге решил, что не стоит.

Однако Паррс уже что-то заподозрил. Он всегда улавливал недосказанности, а потом выуживал их из меня, как вор – ценности из кармана.

– Было кое-что, сэр.

– Да неужели?!

– Вик пытался что-то сказать перед смертью.

– Если это не местонахождение тела Лиззи Мур, то вряд ли я хочу это знать.

– Он сказал, что этого не делал.

– Он был пристегнут ремнями к койке, Эйд. Конечно, этого он не делал.

– Я имею в виду преступление, из-за которого он оказался пристегнут к койке, сэр.

Паррс по-прежнему не шевелился.

– Думаю, он пытался сказать, что не убивал Муров.

– Признание на смертном одре, да? Старо как мир. – В

голосе суперинтенданта послышалось облегчение. – А точные слова?

– Почти такие, как я сказал.

– Почти? – Паррс шагнул ко мне.

– Он говорил что-то еще, но я не расслышал из-за сигнализации.

Паррс ненадолго задумался.

– И ты не сообщил эту информацию старшему инспектору Джеймсу, потому что?..

– Подумал, вы захотите услышать об этом первым и решить, что нам следует делать.

– Осужденный за убийство умер под стражей. Пожалуй, мы сделали все, что только можно, и даже больше.

– Дело в том, как он это сказал, сэр...

– Превозмогая боль, наверное. Вот только это не согласуется с подписанным им же признанием, черт подери, а у нас и так головной боли хватает.

– Сэр.

– Джеймс говорит, ты не очень хорошо разглядел поджигательницу...

– Не очень, сэр.

– Удобно.

– Для кого?

– Для нее. Криминалисты еще роются в мусоре, но, похоже, классика жанра. Зажигательная смесь. Стекланные бутылки с керосином.

– Самодельные гранаты.

– Две порции коктейля Молотова. Кто-то вломился в заведение и решил угостить посетителей выпивкой. Всех разом. Швырнули в палату и закрыли дверь...

В свое время я видел, как бутылки с зажигательной смесью кидали в полицейские фургоны, поэтому поморщился, представив, каково это – оказаться в замкнутом пространстве с такой штукой.

– Выкладывай, – сказал Паррс. – Что, по-твоему, тут произошло?

– Ответ на поверхности: друг или родственник одной из жертв Вика, некто, связанный с семьей Муров, решил, что это – последний шанс отомстить. Насколько я знаю, Вик впервые со времени ареста оказался вне тюрьмы. Этот кто-то проведал об этом и решил рискнуть.

– Вполне правдоподобно.

– Незадолго до происшествия мы увидели воскресный выпуск «Мейл». Фотографию сняли тайно. Она и могла привести убийцу сюда...

– Завтрак в постели? – спросил Паррс. – Есть предположения, откуда фотография?

– Я спрашивал констебля Ренника. Он сказал, что ни разу не дежурил во время завтрака. Мы со старшим инспектором Джеймсом проверили график. Так и есть.

– Узнали, кто тогда дежурил?

– Констебль Луиза Янковски, – ответил я. – Вик ел хло-

пья с молоком только во время ее дежурства. Она вроде бы недавно в подразделении, но...

– Уже сделала себе имя...

В прессе писали про операцию, в которой отличилась Янковски, без упоминания ее имени. Она была на дежурстве, когда в прошлом декабре грузовик въехал в толпу на Альберт-Сквер во время рождественской ярмарки и начал давить людей. Луиза отреагировала молниеносно и с приличного расстояния попала водителю в голову, чем спасла десятки жизней.

– Совсем на нее не похоже, – сказал Паррс. – А что скажешь про констебля Ренника?

В свете случившегося докладывать о его небрежном поведении не стоило.

– Ценный свидетель, – сдержанно сказал я. Ножевую рану нанесли спереди. Он же стоял не с закрытыми глазами и мог бы много рассказать. – Возможно, его показания – ключ к быстрому раскрытию дела.

– Возьмешься?

– Нет, сэр, – твердо сказал я, чувствуя на себе буравящий взгляд красных глаз. – Меня же снова поставят в ночную смену?

– Кто-то только что поджарил твоего напарника, детектив-констебль. Знаю, ты бы даже не помочился на него, горящего, но...

– Это я его потушил.

– И следующую неделю он проведет в медикаментозной коме. Хотя вряд ли мы почувствуем разницу. Спрашиваю еще раз. Возьмешься за это дело?

Я ничего не сказал.

– Спокойной жизни захотелось? – фыркнул Паррс.

Спокойной жизни.

Суперинтендант Паррс уже несколько раз отправлял меня на спецзадания, и от последнего до сих пор звенело в ушах. Он об этом прекрасно знал, но ему нравилось возвращаться к пройденному. За последние несколько лет он насыпал столько соли на мои старые раны, что ее хватило бы покрыть садовую дорожку.

Паррс улыбнулся:

– Что-то я не уверен, что тебе стоит работать в ночную смену без твоей матроны – детектива-инспектора Сатклиффа. С ним я всегда видел, к чему дело движется. Он отсвечивал еще до того, как его подожгли. А вот ты больше похож на выключатель. Что-то не хочется мне, чтобы ты рыскал в темноте без Сатти, который сдерживает твои сверхспособности.

– Они под контролем, сэр.

– Да ну? А что ж тебя тогда до сих пор не озарило? Ну-ка угадай, какие из этих способностей меня сейчас больше всего беспокоят.

Я замолчал. Слишком велик выбор.

– Тяга к самоуничтожению, – наконец обобщил я.

– А я бы копнул глубже и назвал бы твой величайший та-

лант – стремление к самопожертвованию. Удивительно, что система пожаротушения среагировала на Сатти, а не на тебя. Ты уже несколько раз выходил сухим из воды, но знаешь ведь, как говорят. Дыма без огня не бывает...

– Нет никакого дыма, сэр.

– А вот и есть.

Я ждал.

Паррс явно собирался развить эту мысль, но потом покачал головой и сменил тему:

– Меня нельзя упрекнуть в том, что я не беру в расчет твое психическое состояние, Эйдан. Встреча здесь – своего рода тест. Правда жаждешь самоубиться? Пожалуйста, сигай вниз.

Я не сдвинулся с места.

– Вот и хорошо. И больше ни слова о возвращении в ночную смену.

– Для этой работы есть кандидаты получше.

– Определенно. Не волнуйся, расследование возглавит старший инспектор Джеймс. Его люди несколько дней будут искать всех, кто побывал здесь сегодня, побеседуют со всеми сокамерниками Вика, заново изучат материалы дела – в общем, проделают всю полезно-бесполезную работу. Ты же – другое дело. У тебя дар – доводить людей до предела, а потом заводить за него. Сдается мне, в этом деле он может сослужить хорошую службу. Ты сказал, что месть Вику – самый очевидный мотив. А каков не очевидный?

– Если Вик действительно не убивал Муров, тогда настоящий убийца пытался заставить его замолчать.

– Пытался, Эйдан? Да он более чем преуспел, черт подери.

– Непонятно, зачем родственникам жертв его убивать, если он и так был при смерти. Они знали, что мы пытаемся выяснить место захоронения Лиззи Мур?

– Полагаю, им сообщили...

– Тогда зачем лишать себя последней надежды?

– Пожалуй, Вик лишил их последней надежды двенадцать лет назад. А ведь есть и третий вариант. Хорошо, что вы проверили, не врет ли Ренник про график. У меня у самого такое желание возникало. И оказалось, что дежурить во время покушения должен был ты.

Я потер лоб:

– Моя работа заключалась в том, чтобы сидеть возле Вика и, как только он захочет заговорить, привести Сатти. Вик протянул гораздо дольше ожидаемого, но ему явно немного оставалось. – Я посмотрел на Паррса. В прожигающем взглядом красные глаза. – Он проснулся и захотел видеть Сатти, так что я пошел за ним.

– С этим я не спорю. Я говорю, что тот, кто наблюдал за твоими перемещениями и перемещениями группы охраны, ожидал, что детектив-констебль Эйдан Уэйтс будет на дежурстве в палате в этот ранний утренний час.

– И что? – спросил я.

– А то, что это покушение. На тебя. Кому-то велели про-

никнуть в палату и стереть с лица земли тупое убожество, торчащее у койки...

– Хотелось бы думать, что меня не так легко спутать с Сатти, сэр.

– Иногда я вижу определенное сходство. Знаешь, почему тебя вообще приставили к Вику?

– Чтобы выудить из него, где могила Лиззи Мур, – ответил я.

Выражение лица Паррса не изменилось, и у меня появилось плохое предчувствие.

– Помочь Сатти с круглосуточной охраной...

Паррс уже качал головой.

– Тебе не кажется, что я мог кого угодно отправить сидеть внизу и слушать, как этот сказочник всех посылает к чертям? Нет, ты здесь находился ради своей же безопасности.

– Моей?

– Твоей. У нас есть основания полагать, что над тобой нависла угроза, – ответил Паррс. – Я обсудил этот вопрос с детективом-инспектором Сатклиффом несколько недель назад, и мы сошлись на том, что будет лучше выдернуть тебя с улиц на некоторое время, пока не узнаем больше.

– И?

– Ты сам все сказал. Зачем родственникам Лиззи Мур убивать единственного человека, который знает, где похоронена их дочь?

Я потряс головой, проясняя мысли:

– От кого исходит угроза?

– От твоего старого приятеля, но, боюсь, большего сказать не могу. – В улыбке Паррса отразилась чистая злоба. – Ты же сам отказываешься участвовать в расследовании.

– Я думал, у меня есть выбор.

– Есть. Либо ты делаешь то, что тебе говорят, либо тебя выкапывают по частям в мусорных мешках. Ты ведь из-за этого старого приятеля так стремишься вернуться в ночную смену и снова скрываться, так что прими тот факт, что это он выкинул такой трюк.

– Все возможно.

– Спрашиваю еще раз. Интересует дело?

В поисках альтернативного ответа я глянул на край площадки.

– Послушай, все предельно просто, – продолжал Паррс. – Старший инспектор Джеймс со своими людьми вкатят валун в гору. Твоя же задача – изучить букашек под ним. Предстоит непростая, неблагодарная и, скорее всего, грубая работа, в результате которой у кого-то может слететь голова с плеч. Нужен кто-то, без кого мы можем прожить, – и уж поверь, такой человек сейчас передо мной. Вот так обстоят дела. Это твой распоследний шанс.

– Спасибо за возможность, сэр. Это постоянное или временное назначение?

Паррс улыбнулся:

– Посмотри, где стоишь, сынок. Жизнь и есть времен-

ное назначение. Проверим, сколько сможешь продержаться? Считай это возможностью реабилитироваться и постарайся протянуть подольше, а не то в такой ситуации частенько умирают. Угоди мне, и это дело станет спасательным кругом в твоей жизни.

Я не поверил ему ни на секунду.

«Спасательные круги» суперинтенданта имели странную привычку душить тонущего, и ко всем была привязана веревка. Только в конце становится понятно, к успеху тебя ведут или к поражению, а общую картину замысла узреть не дано. Он вынуждал меня нарушать закон, чтобы выжить, и угрожал арестом. А после обязательно демонстрировал всем, насколько я вывалялся в грязи, и компрометировал теми поступками, которые сам же вынудил совершить. Он мастерски клепал изгоев, и только после нескольких тяжелых дел я понял, что он всегда появляется в тот момент, когда я уже иду ко дну. Заставляет поверить, что он – моя единственная надежда, кидает мне свой знаменитый «спасательный круг» и оттаскивает еще дальше от берега.

Нет уж, я не попадусь на эту удочку снова.

Как только он упомянул угрозу жизни, мой мозг лихорадочно заработал. Просчитывая варианты. Стратегии отступления и возможности побега. Я слушал и кивал, якобы соглашаясь взяться за расследование, хотя на самом деле не собирался им заниматься.

Единственный путь побега – головой вниз с крыши.

– Поговори с тем, кто допустил утечку фото Вика, и найди эту наркоманку. Уверен, ты знаешь, в какую нору она могла уползти. Думаешь, она поджигательница?

– Не знаю, – проговорил я, медленно возвращаясь в реальность. – Похоже, она перебралась из одного крыла в другое через вентиляцию. На невинное развлечение не похоже.

– Виновна она или нет, думаю, не надо говорить, что будет, если спецназ найдет ее первым.

– Нет, сэр.

– Кстати, пригляди за Ренником.

– Каков прогноз врачей?

– Такой же как у тебя. Пока состояние стабильное.

– Поговорю с ним, как только очнется.

– В общем, решено. Разрабатываем версию убийства из мести...

– Думаю, стоит хотя бы теоретически рассмотреть возможность, что Вик сказал правду перед смертью. – Я сказал это главным образом, чтобы позлить Паррса и чтобы это осталось в материалах дела. Но он вдруг моргнул, будто я плюнул ему в глаз.

– Ладно. Побеседуй с бывшим детективом-инспектором Кевином Блейком. Он же из этой истории бестселлер сделал.

В буквальном смысле. Заслуженой Блейка было признание Вика в содеянном. Убийца подписал двадцатипятистраничный документ, а спустя неделю после вынесения приговора пытался отыграть назад. Такое нередко случалось, и позже

Блейк написал книгу о том, как Вика арестовали, судили и посадили в тюрьму.

– Доберись до него раньше прессы. Писатель из него так себе, но напести может с три короба.

– Сэр.

– И уж чтобы расследование было всесторонним, – продолжал Паррс, нанося мне сокрушительный ответный удар, – рассмотри возможность того, что объектом покушения были ты.

– Как, по-вашему, я должен это сделать?

– Ну, поразмысли. Если будешь ошиваться в округе, попытку могут повторить, вот тогда пойдем навстречу. Сдается мне, мы оба знаем, кто затаил на тебя злобу.

Я изо всех сил пытался сделать вид, что никого не припоминаю, но Паррс меня раскусил и ухмыльнулся:

– Сходи к нему, поболтайте, обменяйтесь новостями...

– Не представляю, каким образом, – возразил я.

– Я слышал, у него клуб в городе...

Я ничего не сказал, и Паррс кивнул, давая понять, что вопрос закрыт.

– Теперь, когда Сатти еще больше не в себе, чем обычно, тебе понадобится помощь. Пригляд. Я даю тебе нового напарника.

Мне показалось, что я ослышался.

– Учитывая результаты экзаменов и текущую ситуацию, я повышаю тебя до детектива-сержанта. Ответственности

больше. Стресса больше. Денег – ненамного. Чейз в ответ на это решение сказала, что ты и своей задницей управлять не в состоянии. Докажем, что она ошибается?

– Кто напарник? – спросил я.

– Констебль Блэк. Ты ее знаешь.

– Констебль Наоми Блэк?

Паррс поморщился, когда я назвал ее по имени, но кивнул. Удивительно. Однажды она помогла мне с наружным наблюдением и произвела впечатление разумного и трудолюбивого профессионала, чья цель – построение карьеры.

Потеряла цель, что ли.

Паррс ответил на вопрос, написанный на моем лице:

– Она только что перевелась в уголовный розыск, и когда я спросил, не желает ли кто поработать с Эйданом Уэйтсом, руку подняла только она. Молодая еще, глупая.

– Она хорошая, – сказал я. – Помогала мне в прошлом году.

– Верно, в деле Зубоскала, – заметил Паррс. – Помню. Ты его почти раскрыл. Может, на этот раз тебя ждет успех? – Он взглянул мне за спину.

У меня возникло нехорошее предчувствие. Я обернулся. Ну разумеется, Наоми Блэк все это время стояла на крыше. Делала вид, что смотрит себе под ноги.

– Я решил, что констеблю Блэк будет полезно уяснить, на что именно она подрядилась, – сказал Паррс. – Нашему мальчику надо поспать, Наоми. Отвезешь его домой? Жду

вас в понедельник утром, отдохнувших и рвущихся в бой.

Я плохо знал Наоми Блэк, но понял, что она пришла сюда не по своей воле; ей было неловко, оттого что она все слышала. Наоми отошла от двери и стала спускаться по лестнице. Я собрался пойти следом, но Паррс подошел ко мне:

– Кстати, Эйдан...

Я обернулся.

– Если думаешь, что настало время заглянуть в свою душу, то я избавлю тебя от хлопот. У тебя ее нет.

Я посмотрел в его красные глаза.

– Ты давно продал ее мне. Ты нужен мне на этом корабле, сынок. – Паррс улыбнулся акульей улыбкой. – Ты ведь не бросишься за борт? И держи свое хозяйство в штанах. – Он кивнул на Наоми. – Это приказ.

Я молча спускался по лестнице вслед за констеблем Блэк. В прошлом году мы провели считанные часы в обществе друг друга. После я позвал ее выпить, но она отказалась, заставив меня задуматься, какой в этом, собственно, был смысл.

Я не видел ее раньше в гражданском и теперь пытался узнать о ней больше по ее стилю. Черные джинсы, «мартенсы» и просторная темно-зеленая парка. Короткая афроамериканская прическа с обесцвеченными прядями. Ни дать ни взять сводная сестрица Лиама Галлахера⁴.

Наоми принадлежала к смешанной расе в той степени, которая может как способствовать, так и мешать карьере. Полиция отчаянно нуждалась в смуглых лицах, а если они принадлежали еще и одаренным людям, тем лучше. С другой стороны, продвижение этнического меньшинства, к которому у нас относили всех, кроме белых мужчин-гетеросексуалов, в дежурках встречалось скептически и сопровождалось двусмысленными комментариями, а уж в барах – и подавно. Объекты таких насмешек вставали перед нелегким выбором: смейся со всеми и будь паинькой, или тебя ждет отчуждение. Похоже, констебль Блэк выбрала второе.

Однако согласие работать со мной – это нечто другое.

⁴ Уильям Джон Пол Галлахер (р. 1972) – британский музыкант, певец, бывший солист группы *Oasis*.

Может, мы оба склонны к суициду?

Сатти, который, как барометр, отражал резкие изменения в атмосфере участка, углядел имя Наоми в моем отчете по делу улыбающегося человека и приписал на полях ехидное: «Наоми Полублэк?»

Однако этим расистские шутки не ограничивались.

Мое появление в барах, излюбленных полицейскими, не приветствовалось, и уже года два я не ходил выпить ни с кем, кроме Сатти. В последний раз я появился в «Короне» – ближайшем к участку пабе – только для того, чтобы разнять драку, которая и так к этому времени сошла на нет. Мне понадобилось в туалет, и я не без любопытства обнаружил подробные описания всех сотрудников участка на дверце кабинки. Рядом с каждым именем красовалось прозвище и краткая характеристика. Я без труда нашел себя. Токсичный Уэйтс. Рядом – рисунок змеи, символизирующий то, что я виновен в аресте товарища.

Змея заглотила собственный хвост, что означало последующую смерть этого товарища.

Я видал картинки и похуже напротив моего имени и на мгновение перенесся в те места и времена, где чувствовал себя частью коллектива и работал с приятными мне людьми. Поискал было имена старых коллег, с которыми не виделся уже несколько лет и, скорее всего, уже никогда не увижусь, а потом вдруг заметил, что напротив имен женщин-полицейских стоят оценки по десятибалльной шкале. Сопровожда-

ющиеся то грубыми эпитетами, то количеством сексуальных партнеров, указанных разными почерками, то описанием того, что они вытворяли в постели или что коллеги мужского пола хотели бы с ними вытворять. Случайно наткнулся на имя Наоми и сразу вышел из туалета.

Надпись гласила: «8 из 10. Прозвище: Ниггерша».

Мы спустились по лестнице. Даже от слабого утреннего света глазам было больно. Наоми обернулась посмотреть, не идет ли за нами Паррс. Потом сунула руки в карманы парки:

– Воскресенье же, черт подери. Он меня не предупреждал.

Я кивнул и посмотрел на пеструю толпу полицейских и пожарных. На парковке было оживленно – шла пересменка. Кареты «скорой помощи» еще стояли в очереди на парковку. Среди машин злое выделались фургоны группы быстрого реагирования. Я хотел ответить Наоми, успокоить ее, но почему-то сменил тему:

– Есть что-нибудь, чего я не знаю? Помимо очевидного.

Наоми кивнула в сторону пожарной лестницы, с которой мы только что спустились:

– Дверь видел?

– Вломились снаружи. – Я повернулся к двери, которую не заметил ни когда спускался, ни когда поднимался.

– С чего наркоманке это делать, если можно попасть в палату через вентиляционную шахту?

Я не хотел подсказывать Наоми ответ. Что в здание вломился с определенной целью кто-то более опасный.

– Из-за камер наблюдения? – сказал я.

– В самом крыле их нет, но сейчас просматривают записи с камеры в регистратуре, и я запросила записи с парковки.

Возможно, придется встать в очередь за старшим инспектором Джеймсом.

– Уверен, мы будем работать с ним на равноправных началах.

– Скорее под его началом.

– Работала с ним раньше?

Она посмотрела на меня из глубин куртки и качнулась на пятках «мартенсов». Не знала, можно ли со мной откровенничать.

– Не стала ему всесторонне угодить?

Она рассмеялась:

– Ну, если честно, да...

– Он брал у меня показания сегодня.

– Ну и как?

– Записал тщательно. С заказом кофе точно не намудрит.

Мы с улыбкой переглянулись.

– Что еще известно?

– Машину угнали. «Фиат». Почти сразу, как сработала сигнализация.

– Значит, почти сразу после нападения?

Наоми кивнула.

– И есть новость поинтереснее. Владелец машины видел девушку... – Наоми сверилась с записями. – Белая, европейской внешности. Худая, татуировки на лице. Зеленый спортивный костюм.

– Знакомое описание. Патрульным уже разослали?

– Пока нет, но мы ее найдем. Как думаешь, кто она?

– Может, поджигательница. А может, соучастница – на шухере стояла. Может, оказалась не в том месте не в то время. – Я взглянул на свой перепачканный копотью и кровью костюм. – Всякое бывает...

– Извини, – начала Наоми, о чем-то вспомнив. – Может, навестишь инспектора Сатклиффа, пока мы здесь?

– Нет, – ответил я. Наоми непонимающе свела брови, и я пояснил: – Не настолько дружеские у нас отношения.

Она явно не знала, что сказать, и с готовностью отвлеклась на происходящее возле больницы. Полицейские громко переговаривались, напряженно вслушивались в то, что им говорили по рации. Мы подошли к ближайшим двум сотрудникам.

– Что случилось? – спросила Наоми.

– Ренник, – мрачно ответил один из полицейских. – Внутреннее кровотечение. Бедняга скончался.

Я был без машины, но отказался от предложения Наоми меня подвезти, главным образом потому, что это изначально предлагал суперинтендант. Зачем меня на эти годы определили в напарники к Сатти, было яснее ясного. Паррсу нравилось держать проштрафившихся полицейских на коротком поводке и при необходимости скармливать их вышестоящему начальству или прессе. В этом смысле я был просто вечным подарком. Наркотики, кража улик, лживые отчеты. Скоро не осталось бы проступков, в которых меня нельзя было бы обвинить. С помощью этого рычага давления Паррс и принуждал меня подписываться на неофициальные расследования.

Наоми Блэк слишком хороша для такой работы.

Сотрудница с чистым послужным списком, явно идущая на повышение, с уровнем квалификации, до смешного превосходящим требования должности. Значит, для назначения имелась более веская причина. Глаза и уши, чтобы следить за мной повсюду. Надежный соглядатай, который будет подробно докладывать суперинтенданту о моем поведении и восполнять пробелы в моих отчетах. И любые мои слова могут быть использованы против меня.

Если Паррс фабриковал против меня дело, то Наоми, без сомнения, справится со своей задачей.

Она была догадлива и сразу замечала вранье. Тем более следовало держаться от нее на расстоянии, да и мне вовсе не хотелось сообщать ей свой домашний адрес.

Было воскресенье. Шесть утра. Воспаленно-багровый цвет осеннего неба придавал воздуху красноватый оттенок, и весь город походил на ярко освещенный бар перед закрытием. Ночные гуляки допивали пиво из смятых жестяных банок, вставали в очередь за едой навынос. Новоиспеченные парочки ловили такси, парни липли к девушкам. Я свернул на Портленд-стрит, окаймляющую Чайнатаун, прошел мимо круглосуточных казино и стрип-клубов с красноглазыми посетителями, щурящимися от утреннего света.

Поднял взгляд. Ноги привели меня к двери одного из новых клубов. «Безумная звезда». Паррс не упоминал название, но мы оба знали, что если меня хотят убить, то угроза исходит от хозяина этого клуба. Так же как и то, что доказать это невозможно. Он был молод, импозантен, а застывшая белоснежная улыбка служила ему чем-то вроде маски.

Я же просто совершил ошибку, однажды заглянув ему в душу.

Глядя на одинокое освещенное окно на втором этаже, я наконец принял решение, которое откладывал несколько лет. Охранял преступника – и сразу двое погибли; мой новый рекорд, личное «дно», и даже если Сатти выкарабкается, смерть придет снова и с каждым разом будет подбираться все ближе и ближе...

Я решил не дожидаться этого.

Здесь мне не светило ничего, кроме удара тупым предметом по голове и безымянной могилы. Подписаться на расследование было все равно что прыгнуть с крыши, долой с красных глаз суперинтенданта, но я хотел уехать так далеко, как только возможно, и не оставить обратного адреса. Лишь с одним человеком мне еще нужно было попрощаться, и это был не психопат из «Безумной звезды».

Я протер глаза и направился в сторону дома. За эти годы я прожил несколько разных жизней в этом городе, а на самом деле как будто пережил несколько смертей. Я оглянулся на одинокое освещенное окно, и у меня появилось ощущение, что последняя – уже близко.

II

Театр теней⁵

1

Я закатал рукав и снял крышку с бачка. Опустил руку в ледяную воду, отлепил скотч от фаянсовой стенки и достал запечатанную пластиковую папку. Установил крышку на место, вытер руку и вернулся в гостиную. Было утро понедельника. Я уже давно проснулся, но еще не очень ясно соображал после прошедшей ночи. Выглянул в окно. Взгляд переместился с зернистого, будто в низком разрешении, городского пейзажа к дому напротив, где какой-то человек поливал комнатные цветы.

Я убедил себя, что задергиваю штору от яркого света.

Я жил один на втором этаже небольшого многоквартирного дома в Северном квартале, то есть в самом сердце города. Почему-то не смог поселиться в пригороде. Квартал же был популярным местом ночного времяпрепровождения благодаря обилию кафе, баров, пабов и клубов, а еще барахолок и зачуханных подозрительных картинных галерей.

⁵ «Shadowplay» – песня британской постпанк-группы *Joy Division* с дебютного студийного альбома «Unknown Pleasures» (1979).

Книжные лавочки вплотную примыкали к музыкальным магазинчикам и аутлетам модных брендов. Улицы кишели яркими молодыми людьми неопределенного пола, на которых просто нельзя было смотреть равнодушно. Вечером они наводняли улицы, и становилось шумновато. А когда я возвращался домой, то при желании легко засыпал. Днем же весь квартал мучился похмельем или ломкой.

Решение уехать я принял под влиянием эмоций, сразу после пожара, убийства Мартина Вика и слов Паррса о том, что на меня готовилось покушение. Сейчас, при свете дня, это решение все равно казалось единственным выходом, и накануне ночью я несколько часов обдумывал письмо младшей сестре. Больше мне не с кем было прощаться. Я всегда отгораживался от людей, навсегда обрывал связи. Это было одним из моих немногих врожденных талантов, но здесь и он уже не срабатывал.

Внезапное желание сказать ей хоть что-нибудь было трудно объяснить.

И почти невозможно исполнить.

Нас разлучили в детстве, вскоре после того, как забрали в детдом; мы не общались больше двадцати лет. Однако наши отношения никогда не заканчивались. Похоже, мы оба следили за судьбами друг друга и несколько раз чуть не встретились. И совершенно точно проходили мимо друг друга на улице. Однажды я даже пришел к ее дому в южном пригороде. Но у меня перехватило дыхание, перед глазами замель-

кали огненные сполохи, я застыл на крыльце, словно парализованный, и не смог постучать.

Энни пыталась со мной связаться один или два раза. Она знала, что я полицейский, и наводила справки обо мне, когда к ней вломились в дом. Даже написала мне, потому что увидела мое имя и фото в новостях после того, как меня арестовали за кражу наркотиков из хранилища для улик. Я взял в руки ее письмо. Я столько раз разворачивал и складывал его за два года, что бумага на сгибах истончилась. Со временем оно, наверное, рассыплется и избавит меня от необходимости отвечать. Я провел пальцами по строчкам и отчетливо понял, почему так и не смог ответить.

В письме не было никакого осуждения, только сострадание, доброта и попытка преодолеть пропасть между нами.

Как я мог вломиться в жизнь такого человека?

В каком-то смысле хаос, в котором я оказался, был идеальным решением проблемы. Действовать надо быстро, немедленно связаться с ней, а потом исчезнуть из ее жизни навсегда.

Здравствуй и прощай.

Я нашел черновики ответа с итоговым вариантом. Краснея от стыда, прочел сплошные оправдания: почему в газетах написали неправду, почему отвечаю ей только сейчас, да и лишь для того, чтобы сказать, что общения не будет, что я обрываю даже ту призрачную связь, которая у нас была.

По письму я выходил человеком, у которого на все есть

оправдания, патологическим лжецом. Ну, хотя бы это честно. Я начал было перечитывать ответ, но после первых же фраз сложил листок пополам, еще раз и еще, а потом скомкал.

Стены гостиной будто давили на меня, зажимая книжными шкапами – единственным личным штрихом, который я привнес в интерьер. Я провел пальцем по корешкам книг, нашел десять нужных томиков в мягких обложках и достал спрятанные в них банкноты. Положил их на папку и пошел в коридор за стремянкой. Поставил ее в центре гостиной, взял папку и деньги и забрался наверх. Здравый смысл подсказывал, что ценные вещи лучше хранить в разных местах, но пришло время собрать их вместе.

И подозревать всех и вся.

Я аккуратно открутил светильник, поднялся на ступеньку выше, сунул руку в отверстие и нащупал ручку сумки. После событий субботней ночи и воскресного утра сумка должна быть наготове.

Я потянул ее к себе, но тут раздался стук в дверь.

Было шесть тридцать утра. Монументальный вход в подъезд предполагал, что визитерам необходимо позвонить в домофон. Я замер, задержав дыхание. Снова стук, на этот раз более настойчивый. Я сунул папку и деньги в отверстие на потолке, потом добавил к ним письмо сестры и свой ответ.

Светильник легко встал на место. Я тихо спустился со стремянки, сложил ее и прислонил к книжному шкафу, по-

морщившись от звяканья металла. Потом открыл дверь. Там стояла детектив-констебль Наоми Блэк.

Она протянула мне стаканчик с кофе и улыбнулась:

– Ты ведь помнишь, что нам сказали? Прийти утром в понедельник, готовыми к бою.

– Как ты вошла? – спросил я, загораживая ей вход.

– Сосед открыл, – ответила Наоми и в ответ на мои недоуменно сдвинутые брови пояснила: – Старик.

Квартира напротив пустовала. Внизу жили два студента, на верхнем этаже – пожилая женщина. Никаких стариков.

– Секунду.

Я вышел на площадку и прикрыл за собой дверь, чтобы Наоми не заглянула в квартиру. Посмотрел вниз. В подъезде никого не было, но дверь осталась распахнутой.

– Он впустил меня, когда выходил, – сказала Наоми. – Ты как-то странно себя ведешь.

– Угу, подыграй мне.

Пока я спускался по лестнице, она пробормотала что-то насчет моих актерских способностей. Из квартиры на первом этаже доносился шум фена, снаружи – шум улицы. Сквозь матовое стекло двери виднелся чей-то силуэт. Я распахнул дверь. Мужчина лет шестидесяти вздрогнул и уронил большую картонную коробку с одеялами.

Крепко сбитый, бородатый и лысый.

– Ох, как вы меня напугали! – Он схватился за сердце и рассмеялся. – Вы Уэйтс? Нет, я не экстрасенс. Просто с

остальными я уже познакомился. Я въезжаю в квартиру на втором этаже. – Новоиспеченный сосед поставил коробку на пол и протянул мясистую ладонь. – Робби Грант.

Я пожал руку и, запинаясь, извинился.

– Знаете, что было бы очень кстати? – спросил он. – У меня все вещи в коробках, а я бы убил за чашечку кофе...

Обычно я не спешил знакомиться с соседями, но тут уж ничего не поделаешь – сам напоролся. Я подхватил коробку, и мы поднялись по лестнице. Наоми уже вошла в квартиру. Раздвинула занавески и теперь озадаченно глядела на стремянку возле книжного шкафа. Я протянул Робби коробку, нашел растворимый кофе и пристроил банку на коробку у него в руках.

– Сразу же верну, – пообещал он, идя к своей квартире. У него был властный вид бывшего полицейского и громковатый голос, который меня слегка раздражал.

Наоми улыбнулась:

– Ну, я же говорила. Старик. Осторожно, не напрыгивай на пенсионеров. А то придется делать искусственное дыхание рот в рот...

Я попытался придумать остроумный ответ, но описанная ситуация была не так уж невероятна, так что я молча сложил стремянку и унес ее в коридор.

– Что-то ремонтировал с утра пораньше? Я не вовремя? – спросила Наоми.

– Ничего подобного...

Наоми наклонила голову набок...

– Так расстроился из-за Сатти, что решил повеситься, – пошутил я.

Наоми не засмеялась.

– Сейчас шесть тридцать утра, констебль, и я не сообщал тебе свой адрес. И в гости не ждал.

– Просто Наоми, – ответила она прохладно. – И у тебя больше нет секретов.

Если бы это было так, то я, возможно, уже сидел бы в тюрьме.

Мы уставились друг на друга, но тут вернулся Робби с банкой кофе и начал болтать о чем-то из вежливости.

– Пресс-конференция через час, – перебила его Наоми. – Нам пора идти.

– Кто из вас главный? – спросил Робби.

Я посмотрел на Наоми, которая прошла мимо нас, стуча «мартенсами» по деревянному полу:

– Все сложно.

2

– Вся полиция сегодня скорбит, и мы твердо намерены провести полномасштабное и всестороннее расследование. Не оставив ни единой возможности скрыться ни убийце, ни возможным соучастникам или пособникам... – Старший суперинтендант Чейз обвела взглядом аудиторию. – Всем спасибо.

Окончание заявления для прессы было встречено вспышками и щелканьем затворов фотокамер. Чейз сохраняла невозмутимый вид. По одну руку от нее сидел суперинтендант Паррс, по другую – главный констебль Крэнстон. Обычно пресс-конференции такого масштаба проводил Крэнстон, но он уходил в отставку в конце года, так что конференция представляла хорошую возможность показать преемницу.

Ведь никто не знает, когда вновь подвернется такой случай.

Чейз была младше обоих коллег-мужчин. Ей едва перевалило за сорок, и, в отличие от них, она еще не утратила ни молодость, ни краски жизни. Не было и речи о том, чтобы пресс-конференцию провел Паррс. Серовато-седые волосы, серый костюм, землистая кожа и красные глаза – как два лазерных луча на новейшей установке ужасающей разрушительной силы. Глаза же Чейз светились легким блеском, который приобретал разное значение в зависимости от ситуа-

ции. В формальном общении становился отражением острого ума. В неформальном – свидетельствовал о язвительном чувстве юмора, выработанном за годы допросов мужчин, которые ее недооценивали.

Сейчас этот блеск отражал решимость.

Пресс-конференция в Главном полицейском управлении шла с восьми утра. Сидячих мест не осталось. Мы с Наоми стояли сзади и слушали, как Чейз кратко излагала официальную версию событий в больнице Святой Марии, сделав особый упор на смерти констебля Ренника. Мое имя не упоминалось, но голос Чейз прозвучал несколько враждебно при упоминании сотрудника, который находился на месте преступления и не пострадал.

Всю дорогу в управление я размышлял о неожиданном визите Наоми и о сумке, спрятанной в потолке. Наоми ошибалась – секреты у меня еще остались, но крайне мало. Я посмотрел на нее. Она наблюдала за мной, пытаясь по выражению моего лица понять, о чем я думаю.

На всякий случай я постарался выбросить все эти мысли из головы.

Мелькание вспышек угасло; Чейз начала отвечать на вопросы.

– Спасибо, старший суперинтендант. – Журналистка поднялась с места. – Не могли бы вы рассказать больше об интересующей всех персоне?

– Как я уже говорила, мы разыскиваем вот этого челове-

ка. – Чейз нажала кнопку на столе, и фото Ренника на экране позади сменилось кадром с изображением женщины, которую я видел в туалете.

Фотография с камеры видеонаблюдения. Не лучшего качества, но вполне отчетливая.

– Мы полагаем, что знаки на лице подозреваемой вытатуированы. – Чейз повернулась к экрану. – Более того, похоже, у нее серьезные проблемы с употреблением запрещенных веществ. Кто-то наверняка знаком с ней, и мы призываем ее явиться с повинной.

– Она представляет угрозу для общества? – спросила журналистка.

Чейз поглядела на нее так, будто собиралась ответить прямо, но обошлась фразой-клише:

– Разумеется, я настоятельно не рекомендую приближаться к этой женщине, поскольку мы считаем ее особо опасной преступницей.

Я и не знал, что мы так считаем, и несколько упал духом, когда пятьдесят репортеров принялись записывать сказанное. Журналистка кивнула и села на место. Чейз указала на репортера в первом ряду. Грузного и краснолицего.

– Старший суперинтендант, вы, конечно, понимаете, как напуганы наши читатели, – проговорил он протяжным, недовольным голосом. – Можете ли вы гарантировать, что в свете случившегося меры безопасности будут усилены?

Чейз кивнула:

– Подразделение вооруженной полиции продолжит круглосуточно дежурить в больнице Святой Марии и в центре города семь дней в неделю вплоть до дальнейших распоряжений. Сотрудники подразделения прекрасно подготовлены для того, чтобы справляться с любыми возникающими угрозами, и пользуются моей полной поддержкой.

Репортер поблагодарил суперинтенданта и перешел к истинной цели вопроса:

– Вы полагаете, что меры по охране Мартина Вика были достаточными, учитывая тот факт, что в тюрьме он пережил семь покушений?

В зале поднялся легкий шумок. Не обо всех этих попытках сообщалось широкой публике.

Репортер с улыбкой повернулся к коллегам:

– Выходит, в тюрьме безопаснее, чем в больнице...

Чейз моргнула, переварила услышанное, затем повернулась к Паррсу:

– Возможно, суперинтенданта Паррс прокомментирует.

– Доброе утро, Чарли. – Взгляд красных глаз Паррса уперся в журналиста. – В свете субботних событий мы, безусловно, дадим оценку предпринятых мер по охране Мартина Вика. – Голос Паррса походил на сдерживаемое рычание. – Однако, думаю, стоит еще раз повторить, что мы не располагали данными о готовящемся нападении.

– Разве семь покушений не свидетельствуют о явной угрозе? – возразил журналист.

– Более того, – продолжал Паррс, не обращая на него внимания. – Нам удавалось скрывать местонахождение Мартина Вика до того, как вчера он попал к вам на первую полосу.

– Суперинтендант, вы хотите сказать, что фотография, опубликованная за несколько часов до покушения, явилась его причиной? Но таков был общественный запрос. Пациенты больницы Святой Марии имели право знать, что они дышат одним воздухом с детоубийцей.

Паррс дождался, когда в зале стихнут разговоры.

– Я хочу сказать, что это одна из наиболее правдоподобных версий, и, если эти два события связаны, я буду считать автора статьи соучастником убийства констебля Ренника.

Снова поднялся гул, посыпались вопросы.

– И возможно, у вас появится возможность лично убедиться в том, насколько безопасны наши тюрьмы, – заключил Паррс.

Чейз сурово поглядела на него, потом взмахнула рукой:

– Прошу тишины. Мистер Слоун, вам известно, что после трагических событий двадцать второго мая я неустанно и успешно проводила кампанию за более глубокую интеграцию сил специального назначения в повседневную деятельность полиции. Это шокирующее и спланированное покушение только укрепит мою решимость продолжить начатое.

Журналисты ожидали откровенного разговора и жесткой риторики; в воздухе прямо-таки носились заголовки и фразы из будущих статей. Репортер улыбнулся Чейз, потом Паррсу

и сел на место. Вернув себе контроль над прессой, Чейз решила закругляться:

– Я смогу ответить еще на один-два вопроса. Слушаю вас. – Она указала на молодого человека.

– Старший суперинтендант, поскольку речь, скорее всего, идет о спланированном покушении на Мартина Вика, были ли допрошены виновные в предыдущих попытках?

Чейз кивнула:

– Пока у нас нет оснований полагать, что нападение непосредственно связано с теми покушениями, но мы разрабатываем все возможные версии. К этому моменту все бывшие сокамерники Вика допрошены и исключены из числа подозреваемых. Задача была относительно проста, поскольку большинство из них отбывает пожизненное заключение. Кроме того, я официально подтверждаю, что один из бывших заключенных Королевской тюрьмы сотрудничает со следствием.

Мы с Наоми переглянулись. Инспектор Джеймс со своими людьми опережал нас на день, и нам никто не сказал, что один из участников покушений вышел из тюрьмы.

– Последний вопрос, – сказала Чейз. – Да?

С места поднялась молодая журналистка:

– Ходили слухи, что незадолго до смерти Мартин Вик изъявил желание содействовать полиции в поисках места захоронения Лиззи Мур. Старший суперинтендант, произошли ли подвижки в этом направлении и, если нет, означает ли это

полный крах надежд семейства Мур?

Чейз смягчила выражение лица, перенастраиваясь для ответа на более личный вопрос. Положила руки на стол ладонями вверх.

– К сожалению, несмотря на все наши усилия, Мартин Вик не сообщил никаких подробностей относительно смерти Лиззи Мур.

Я посмотрел на Паррса, но тот не шелохнулся.

– Дамы и господа, сегодня скорбный день для манчестерской полиции и для всех органов охраны правопорядка. Мы потеряли не только заключенного, находившегося под охраной, но и глубокоуважаемого и ценного сотрудника. Мы потрясены событиями выходных и просим проявить понимание, пока мы делаем все возможное, чтобы призвать убийцу к ответу. – На этом Чейз явно намеревалась завершить пресс-конференцию, но журналисты не унимались.

– Старший суперинтендант, на прошлой неделе официально объявили умершей Тессу Кляйн. Поскольку тело так и не нашли и это преступление представляется спланированной акцией против всей правоохранительной системы, намерены ли вы искать связь между этими двумя преступлениями?

Молодой детектив-констебль Тесса Кляйн ушла со службы по причине стресса и депрессии, а полгода назад покончила с собой. Ее машину нашли на берегу реки Эруэлл: дверцы распахнуты, на приборной панели предсмертная записка.

Чейз явно не обрадовалась, что эта тема некстати всплыла на такой удачной пресс-конференции, но придала взгляду выражение вселенской скорби.

– Судьба Терезы Кляйн – трагическая случайность. Страдающая депрессией сотрудница ушла из полиции и лишила себя жизни, уже будучи вне действия нашей службы психологической помощи. Да, ее случай – излюбленная тема спекуляций прессы, но давайте избавим скорбящих родственников от ненужного внимания. Сегодня мы говорим о совершенно отдельном, циничном и спланированном деянии.

Журналистка не спешила садиться на место.

– Учитывая жестокий характер преступления, санкционируете ли вы применение оружия против разыскиваемого человека?

Чейз, похоже, была благодарна за возможность завершить пресс-конференцию на верной ноте. Она направила взгляд в центр зала. Блеск в глазах теперь выражал решимость.

– Мы сделаем все, что только потребуется, чтобы убийца констебля Ренника ответил за содеянное.

3

Представители прессы повставали с мест и скопом двинулись к дверям, на ходу сравнивая заметки, обмениваясь шутками и жалобами на похмелье. Паррс посмотрел красными глазами на меня, затем на репортера, с которым недавно пикировался. Я кивнул и, протолкнувшись сквозь толпу, поймал Чарли Слоуна за руку.

Похожую на теплую сардельку.

Слоун медленно повернулся ко мне. Лицо у него было щербатое и мясистое, с раздутыми ноздрями, будто новости он и правда вынюхивал.

– Мистер Слоун, можно вас на пару слов?

Он прошел за мной в боковую комнатку, и я закрыл дверь.

Спустя мгновение вошла Наоми и села рядом со мной. Я не просил ее приходить, но начал привыкать к тому, что у меня есть тень. На самом деле Слоун меня не интересовал, но, если Паррс увидит, что он беспрепятственно ушел с пресс-конференции, мне самому грозит оказаться в больничной палате. Интерьер зала для пресс-конференций и допросных кабинетов был оформлен в духе безликой и ширпотребной современной эстетики. Разработчики бюджетных интерьеров могли бы в свое время спроектировать бункер Гитлера – никому бы не удалось лучше передать атмосферу тихого отчаяния. Слоун откинулся на спинку стула и поко-

вырвал мизинцем в ухе, будто там находилась кнопка включения. У него было кряжистое туловище, похожее на ствол дуба, и недовольная складка вместо рта.

– Итак... – Он побарабанил по столу толстыми пальцами без костяшек. – Чем могу быть бесполезен?

– Мы хотели бы поговорить о фотографии Мартина Вика, которую вы напечатали в воскресном номере.

– «Мейл» напечатала в воскресном номере, – поправил Слоун.

– Автором статьи указаны вы...

– Ничего-то не ускользнет от вашего внимания, – улыбнулся репортер. – Кроме заключенных под стражу.

– Сомневаюсь, что Мартин Вик стал бы сравнивать свою мучительную смерть с побегом из тюрьмы, Чарли.

– Кстати, а с кем я говорю? – Слоун сложил руки на груди. Такие короткие, что ему пришлось обхватить себя за плечи.

– Я детектив-сержант Уэйтс, а это...

– Уэйтс, – протянул он. – Охрана Вика собственной персоной. Вы же были там или должны были быть...

– Информация не из открытых источников, и я не буду спрашивать, кто вам сказал. Однако, думаю, вы понимаете, почему нам интересно, кто сделал фотографию.

– Ну, насколько я понимаю, кроме Вика, там присутствовали лишь трое сотрудников, причем двое из них уже бездыханны. – Слоун посмотрел на Наоми. – Как говорится, на воре и шапка горит. Вам следует арестовать своего напарника.

Наоми улыбнулась:

– Не скажете, кто продал вам фотографию, Чарли?

– Я не разглашаю свои источники.

– У вас даже заголовок неправильный, – заметила она. – Вик не был серийным убийцей...

– Вы не знаете наверняка. В книге Кевина Блейка допускается такая вероятность, и, как я уже сказал вашему темно-му лорду, люди имеют право знать, что их дети рождаются в том же здании, где убийца мочится в судно.

– Лучше бы ходил под себя? – поинтересовалась Наоми.

– Лучше бы сдох в тюрьме, как и планировалось.

– Его приговорили к пожизненному заключению, – возразила Наоми. – А не к смертной казни.

– Вдвойне жаль.

Наоми начала отвечать, но Слоун ее перебил:

– Я еще не закончил, барышня. На эту тему я согласен разговаривать с кем-то из взрослых, кто сможет вознаградить меня за труды. Делом ведь занимается старший инспектор Джеймс, верно?

– Мы разрабатываем дополнительные версии, – сказала Наоми.

– Вашего старшего инспектора не заинтересовала самая правдоподобная.

– Какая же?

Слоун выудил из кармана телефон и продемонстрировал нам фотографию пропавшей без вести Тессы Кляйн. В наря-

де, похожем на вечерний: черное платье и вырвиглазная розовая сумочка. Скорее всего, я встречал Тессу в коридорах, но наверняка вспомнить не мог.

– При чем здесь она?

– По моим сведениям, она того же года выпуска, что и Ренник...

– Я тоже, – ответила Наоми. – Но никогда его не видела. Как самоубийство полугодичной давности связано с тем, что случилось в субботу?

Слоун пожал плечами:

– Зачем бронировать номер на двоих в отеле на уик-энд, а потом лишать себя жизни? Почему не нашли тело?

– Потому что она тогда мыслила иррационально, – сказала Наоми. – Тело? Найдется, Чарли. Всегда находится.

– Простите, – сказал он. – Еще раз, как вас зовут, милочка?

– Констебль Блэк.

– Дадите нам минутку, констебль Блэк?

Наоми посмотрела на меня, потом встала и вышла, искусно притворившись невозмутимой. Я таким талантом не обладал и, как только дверь закрылась, подался вперед.

– Ну?

– Что ну?

– Что ты мне расскажешь?

– Рассказать? Тебе? – Слоун снова рассмеялся. – Не, приятель. – Он кивнул вслед Наоми. – Мне просто так понра-

вилось личико этой черной красотки, что очень захотелось посмотреть на ее задницу. Ты еще молод. Я б на твоём месте нашел способ напроситься с ней в ночную смену.

Я встал и пошел к двери. Я-то надеялся, что мы неторопливо обменяемся несколькими бессмысленными репликами, а потом я выскользну из здания так, чтобы Наоми не заметила. Но слушать этот треп не было смысла.

– Погоди-ка минутку, – сказал Слоун.

Я обернулся.

– Ты ведь в курсе, да?

– В курсе чего?

– Да вот это твоё представление, игра в ряженных полицейских, тайное якобы расследование...

Я ждал.

– Ты для них просто запасная пара штанов. Придет время, и тебя вывесят сушиться на улицу. Так что смотри не обделайся, чтоб дерьмо напоказ не выставлять.

Мне было чем ответить, но я молча прошагал по кабинету, схватил Слоуна за шиворот и вытолкал за дверь:

– Благодарю за помощь.

Наоми широко распахнутыми глазами смотрела, как невежливо я обращаюсь с допрашиваемым. Если она доложит об этом Паррсу, то это будет тот редкий случай, когда он похлопает меня по плечу. Но Слоун привык к такому обращению, и, похоже, оно пробудило в нём словоохотливость. Он посмотрел на часы и прищелкнул языком:

– Почти полдесятого...

– Действительно, – сказал я. – Пора за детишками у школы подглядывать?

Слоун рассмеялся:

– Не-а. Настоящий детектив, тот, который поймал Мартина Вика, сейчас будет вещать об этом по радио. – Он заметил выражение моего лица и добавил: – Готов поспорить, к нему ты еще не подобрался. А стоит перемолвиться с ним словечком. Может, и научишься чему.

4

– Извините, туда нельзя, – заявил охранник.

Мы стояли в холле Ки-Хауса – штаб-квартиры Би-би-си в Медиа-Сити. Показали значки охраннику и попросили, чтобы он провел нас в студию. Медиа-Сити – двухсотакровый участок на берегах Манчестерского канала. Там, где еще десятилетие назад была заброшенная промзона, теперь раскинулся медиакомплекс стоимостью более миллиарда фунтов. Семь монолитных зданий вместили телекомпании, создателей телерадиопрограмм, радиостанции и еще много всего.

В самом большом здании под названием Ки-Хаус и находилась штаб-квартира Би-би-си.

Семиэтажная конструкция из стекла возвышалась над каналом подобно доисторическому леднику, который вынесло на берег океанским приливом. Атриум в центре здания производил неизгладимое впечатление. Из него можно было обозреть пять верхних этажей. Будто из центра пустого олимпийского стадиона. Охранник повел нас наверх, мимо офисов с открытой планировкой, переговорных и комнат отдыха.

До студии мы добрались с большим опозданием.

За огромной стеклянной стеной Кевин Блейк уже отвечал на вопросы о смерти Мартина Вика. Его голос разносился и по этажу, и по всей стране.

Ведущая глянула на нас через стекло.

– Для тех, кто только что к нам присоединился, поясню, что мы беседуем с Кевином Блейком – детективом-инспектором в отставке, который добился осуждения Мартина Вика. Также он является автором бестселлера «Лунатик», посвященного расследованию. Итак, Кевин, – обратилась она к собеседнику, – вы полагаете, что события субботней ночи были спланированным покушением...

Блейк кивнул:

– Убийца нейтрализовал двух полицейских, уничтожил заключенного и умудрился сбежать. Случайностью это не назовешь.

Блейку было чуть за шестьдесят, и выглядел он лучше, чем любой другой детектив-инспектор в отставке. Ни торчащих из ноздрей волос, ни сеточки полопавшихся капилляров. Всегда в элегантном черном костюме, который делал его еще бледнее. Очки в тонкой латунной оправе выглядели неестественно и делали его похожим на интеллектуала предвоенной поры. Вряд ли он был так уж тщеславен, просто человек, который не пройдет незамеченным. Сильный йоркширский акцент звучал естественнее, чем правильно поставленное произношение ведущей.

– И последний вопрос, – сказала она. – Нам известно, что по делу о покушении разыскивают женщину примерно тридцати лет, с татуировками на лице. Известно ли о ней еще что-нибудь?

– Насколько я знаю, нет. Однако должен еще раз подчеркнуть, что я не участвую в расследовании. Если вы обладаете какой-либо информацией по этому делу, обращайтесь к официальным лицам. Мои источники дали понять, что женщина в розыске – важный фигурант дела, но, полагаю, из того, что старший суперинтендант Чейз сказала на утренней пресс-конференции, можно сделать дополнительные выводы...

– Для тех, кто пропустил утренний выпуск новостей, повторю, что старший суперинтендант Чейз не советовала приближаться к этой женщине, поскольку она считается крайне опасной преступницей.

– Более того, – подхватил Блейк, выдерживая взгляд ведущей. – На вопрос о мерах обеспечения общественной безопасности, предпринимаемых в связи с тем, что главное подозреваемое лицо все еще на свободе, старший суперинтендант, в сущности, ответила, что без колебаний разрешила бы стрелять на поражение. – Блейк подождал, пока до всех дойдет смысл его слов. – А как вы знаете, Миранда, столь исключительные заявления обычно делаются только в ходе контртеррористических операций.

– Действительно исключительные. Вы упомянули терроризм. По-вашему, в связи с этим делом существует угроза безопасности населения?

Блейк задумался.

– Другого такого персонажа, как Мартин Вик, не суще-

ствует, уж поверьте. Его убийца, скорее всего, считал, что руководствуется верными мотивами. Я бы очень удивился, если бы нечто подобное повторилось. Тем не менее подозреваемая представляет повышенную опасность, и я вслед за старшим суперинтендантом повторяю, что от нее следует держаться как можно дальше.

– Кевин Блейк. Благодарим вас. – Ведущая завершила эфир.

Оба отцепили микрофоны. Стеклопанная стена глушила сказанное не для записи. После краткого обмена репликами Блейк многозначительно, двумя руками, пожал руку ведущей. Потом встал, открыл дверь и вышел. С книгой своего авторства в руке, видимо, чтобы никто не сомневался, с кем имеет дело.

Наоми шагнула вперед:

– Кевин Блейк. Я детектив-констебль Блэк, а это мой коллега, детектив-сержант Уэйтс. Мы пытались связаться с вами.

– Как и весь остальной мир, – ответил Блейк.

Блики на стеклах очков скрыли глаза, так что было непонятно, высокомерно он говорит о всеобщем внимании или устало.

Блейк привел нас в кофейню через дорогу, каждому указал на стул, сел напротив и сдвинул в сторону меню. Я заказал кофе и воду, почти не сомневаясь, что это он собирается нас о чем-то расспрашивать. Блейк положил книгу так, чтобы видна была фотография автора на тыльной стороне обложки – с более волевой линией подбородка, но с тем же честным и открытым выражением лица. Книга стала настолько популярной, что Блейк построил карьеру, выступая перед прессой с лекциями об известных убийцах и играя на мероприятиях роль свадебного генерала. Он вышел в отставку вскоре после того судьбоносного дела, однако по-прежнему пользовался авторитетом в полицейских кругах, а для широкой публики уже десять лет оставался инсайдером без погон. Официантка принесла три чашки кофе, воду и сдачу.

Когда она ушла, Блейк подвинул к себе чашку и понюхал ее содержимое:

– Кофе мне нельзя, но я кайфую от аромата.

– Спать потом не можете?

Он рассмеялся:

– Наоборот. Могу уснуть навсегда. Увы, проблемы с сердцем. Старость – не радость. Будьте добры, напомните, как вас зовут?

– Уэйтс.

– Я слышал, вы были на месте преступления.

– Вы хорошо информированы, – ответил я.

Если у него сохранились источники в полиции, он еще не то обо мне слышал.

– Двадцать лет службы в полиции не проходят даром, – продолжал он. – Стараюсь держать руку на пульсе, особенно если новости связаны с делом Мартина. Кстати, ужасно жаль слышать о детективе-инспекторе Сатклиффе.

– Вы, наверное, работали вместе...

– А вы были его напарником? – спросил Блейк.

Я кивнул.

– Тогда, возможно, согласитесь, что Сатти бывает несколько...

Я снова кивнул.

– Может, вы не знаете, но это я потребовал тогда, чтобы Сатти отстранили от дела.

– Я знаю только, что он первым прибыл на место происшествия.

– У него были свои таланты. Просто я подумал, что их лучше проявить где-нибудь в другом месте.

– Как он это воспринял?

– А вы не знаете? Подал в отставку.

Я удивился. Сатти? И так остро среагировал?

– Очевидно, потом его кто-то вразумил, потому что до меня дошла новость, что он перевелся в ночную смену.

– Первый раз слышу, – сказал я, осознавая, что человек,

который уволился из полиции десять лет назад, лучше знает моего напарника. Кто в этом виноват? Сатти или я?

– И чье задание вы теперь выполняете? – поинтересовался Блейк.

– Суперинтенданта Паррса.

– Главной ищейки? Хороший человек, передавайте ему привет от меня. Уверен, что он на вас рассчитывает. Я не работал с Алистером лично, но, по моему впечатлению, он всегда готов протянуть руку помощи...

– Хватка только крепковата.

– Хорошо сказано. – Осознав, что слишком долго общается только со мной, Блейк повернулся к Наоми. – Блэк. Вы, случайно, не родственница констеблю Терри Блэку?

– Это мой отец.

– Шутите? – Блейк хлопнул ладонью по столу. – Значит, мы с вами встречались. Я был на ваших крестинах.

Я не знал, что отец Наоми – полицейский. Я покосился на нее и увидел, что она покраснела, а на темной коже проступили веснушки.

Блейк тоже это заметил.

– Да, долго живешь – слишком многое помнишь.

– На вашу память мы и рассчитываем, – сказал я. – Мы с Наоми – относительные новички в мире Мартина Вика. В свете событий в больнице Святой Марии хотелось бы узнать больше об обстоятельствах дела.

– Не завидую я вам, – сказал Блейк. – Вам предстоит вы-

яснить, кто его убил. – Он сгреб сдачу со стола и взвесил ее в горсти. – Первое, что следует знать: если я сейчас брошу эту мелочь через плечо, то непременно попаду в кого-нибудь, кто желал Вику смерти.

– Попадите тогда сразу в убийцу. Мы скажем вам спасибо, – пошутил я.

Никто не засмеялся. Наоми подалась вперед:

– Да, его ненавидели таблоиды, но нас больше интересуют реальные люди, реальная ненависть. Люди, которые могли бы повернуть подобное. Статистическая вероятность того, что Мартин Вик был знаком со своим убийцей, достаточно высока, чтобы начать с его близкого окружения.

– Разумеется, – согласился Блейк. – Однако стоит вспомнить, что последние двенадцать лет ближе всех к нему были его сокамерники. Судя по всему, недостатка в желающих нажать на смыс не было.

– Удобно, что большинство из них до сих пор отбывает срок в «Стренджуэйз».

– Большинство? – переспросил Блейк.

– Один из нападавших освобожден под расписку. – Наоми повторила то, что мы слышали на брифинге.

– Да-да, – подтвердил Блейк. – Тот спайсовый дилер... – Он прищурился, припоминая. – Как его там прозвали? Кажется, Полубокс.

– А почему? – спросила Наоми.

– Не хочется портить сюрприз от встречи с ним, но вряд

ли вас сильно удивит, что он – редкостный подонок.

– Вы имели с ним дело?

– К счастью, нет. Он из молодых, все это было уже после меня. В «Стренджуэйз» угодил в прошлом году и через несколько месяцев вышел. Я просто старался быть в курсе того, что подделывают сокамерники Мартина. Если я правильно помню, именно Полубокс пытался повесить его на простынях.

Наоми покачала головой:

– Такому самое место в тюрьме...

– Или в могиле. Приговор отменили, представляете?

– Все эти угрозы и покушения на Вика... – задумчиво сказал я. – Всегда задавался вопросом – почему в тюрьме к нему так паршиво относились?

Наоми посмотрела на меня:

– Он убил троих детей...

– Но действительно, – заметил Блейк. – Есть в «Стренджуэйз» такие, кто никого не убил? Да там детоубийц столько же, сколько дней в году.

– Может, из-за лунатизма? – спросил я. – Или потому, что отрицал вину? Открещивался от содеянного?

– Может, и так. – Блейк пожал плечами. – Сидеть в одной камере с наглыми убийцами и заявлять им, что невиновен или что ничего не помнишь, все равно что гладить их против шерсти. Но сдается мне, есть еще какая-то причина. – Он задумался. – Вик был со странностями.

– Со странностями? – переспросила Наоми.

– Не хочется так говорить, но да. Понаблюдайте за жизнью на любом школьном дворе, и сразу угадаете, кого потом будут макать в парашу. Готов домом своим поклясться, что Вику тяжело пришлось в тюрьме, к сожалению.

– К сожалению? – переспросил я.

Не с целью возразить, просто по опыту общения с представителями старой гвардии я знал, что они обычно занимают крайне жесткую позицию по таким вопросам.

– Организованная и безнаказанная травля заключенного в строгорезжимном учреждении? – Блейк поморщился, будто от боли. – Совсем не к такому должно стремиться общество. Что же касается других заключенных, которые покушались на его жизнь...

Я нетерпеливо кивнул:

– Как мы уже сказали, их легко исключить из числа подозреваемых.

– Верно, – согласился Блейк. – Итак, вас интересуют давние обстоятельства дела.

– Вы были старшим детективом-инспектором в полицейском подразделении Северного Манчестера, когда поступил роковой вызов...

Блейк кивнул:

– Не знаю, то ли я слишком много об этом думаю, то ли у меня тогда было предчувствие, но я всегда говорю, что тот год для всех стал новой точкой отсчета.

– В каком смысле?

– Все обвалилось, ну или пошло наперекосяк. Ипотечный кризис, экономический спад, банкротства – вот это все. Потом война в Ираке, выпуск первого айфона. Появление всех этих чертовых соцсетей. Детали стали не важны, все по верхам. – Блейк покачал головой. – В тот год мы утратили энтузиазм. Запал пропал. – Он потер кончик носа и скромно улыбнулся. – Во всяком случае, у меня. Да, я был старшим сотрудником полицейского подразделения Северного Манчестера, но я впервые столкнулся с этим делом, когда окровавленного Вика доставили в Главное полицейское управление, в Честер-хаус. Сразу стало ясно, что все очень серьезно, но поначалу было ужасно трудно добиться от Вика чего-то связного.

– В каком он был состоянии?

– перевозбужденный, дезориентированный. На вопрос, откуда кровь, ответил, что не помнит. Полный раздрай, приходилось действовать аккуратно. Его трясло, он нес несурящицу. Состояние шока.

– Наверное, было очень сложно установить хоть что-то.

– Было бы, но девушка-диспетчер связала его описание с сообщением о подозрительных лицах по адресу: Брайарс-Грин, дом одиннадцать. У дома Муров. Там работы хватало, уж поверьте.

– Можете описать место происшествия?

– Предпочел бы стереть его из памяти. Дом на две семьи

в конце глухой улочки. Соседи спали и умудрились ничего не услышать. Парадная дверь широко распахнута. Мэгги... – Блейк отпил воды и продолжил: – Маргарет, мать семейства, на полу у лестницы. Много крови, ножевые ранения живота и груди, порезы на руках и ногах. Очевидно, пыталась не пустить нападавшего к детям. Мы нашли их наверху. Близнецов. В ванне. Они забрались туда и спрятались за занавеской для душа, но...

– Достаточно, – сказал я. – Как вы определили, что старшая девочка пропала?

– По фотографиям на стенах, – ответил Блейк. – Везде было пятеро. Мэгги – мать. Артур и Мэри – близнецы. Фрэнк – отец. И Лиззи – старшая дочь. Конечно, мы сразу стали искать Фрэнка и Лиззи – их одних не оказалось в доме. – Блейк кивнул, припоминая. – На какой-то благословенный час я убедил себя, что с ними все хорошо, что они где-то вместе, в безопасности. Моей дочери тогда тоже было двенадцать лет, и, честно говоря, я даже позвонил жене и попросил обнять Люси.

Трогательное отступление.

Я помнил его дословно по интервью, которые Блейк дал за эти годы. Однако я не сомневался, что это правда. С такими подробностями не шутят.

– Когда вы поняли, что Лиззи – в числе жертв? – спросила Наоми.

– Лично я? Когда нашелся Фрэнк Мур, отец, и оказалось,

что он ее не видел. К тому времени соседи уже сообщили нам, что Фрэнк и Мэгги... – Он замолчал, подыскивая слова.

– Не жили вместе? – предположила Наоми.

– Да, можно и так сказать. – Он кивнул. – Пробовали жить раздельно. Так, кажется, обычно говорят. Фрэнк переехал в другое место, и в те выходные дети находились у матери, а Фрэнк был на работе.

– Как он отреагировал на известие?

– А как вы думаете? Есть в нашей работе аспекты, по которым я никогда не скучаю. Это один из них. Фрэнк совершенно расклеился. Такой крепкий человек: и физически, и морально; служил в морской пехоте. На моих глазах будто обрушилось крепкое здание или сошел оползень. Тяжелое зрелище. Все повторял: «Я должен был быть там. Я должен был быть там».

– А когда официально установили, что Лиззи мертва?

– Тело мы так и не нашли, но ДНК на месте преступления все прояснила.

– Насколько мы поняли, образцов было в изобилии...

– Реки крови, – подтвердил Блейк, глядя в кружку. – Буквально.

Я начал понимать, почему он ушел в отставку раньше срока и почему, похоже, до сих пор считал себя ответственным за судьбу жертв. Тихий убийца, пропавшая девочка, мать, которую искромсали на куски, когда она пыталась спасти детей. В таком деле можно завязнуть навсегда.

– Как по-вашему, что привело Вика в тот дом? Почему именно к Мурам?

– Сумасшествие. – Блейк покачал головой. – Он в то время много разъезжал, останавливался в дешевых гостиницах и кемпингах. Сюда приехал по работе, связанной с очисткой объектов от асбеста, остановился в мотеле «Белый лебедь» неподалеку. По нашей версии, он был одержим Лиззи, старшей дочерью Муров. Позже родители ее одноклассников говорили, что видели у школы мужчину, похожего на Вика. Также мы обнаружили ее одежду в его номере, а после долгих поисков – орудие убийства.

– Кухонный нож из дома Муров? – вспомнил я.

– Да, за батареей отопления; три или четыре раза все перешерстили, прежде чем нашли.

– Какова была точная последовательность событий?..

– Вик приезжает в город по работе, за неделю до убийства. Встречает на улице Лиззи, старшую дочь Муров, и проследживает ее путь до школы или дома. Свидетели вспомнили, что видели его в обоих местах. Вик стал одержим ею, следил за ней повсюду. Возможно, даже вступил с ней в контакт или воображал, что у них любовь. В одну из ночей он не выдерживает и идет к ней. Вламывается в дом через окно на заднем дворе, убивает Мэгги у лестницы, близнецов в ванне и похищает Лиззи. Нам удалось отследить его передвижения по дому, потому что он порезался о разбитое окно. Кровавый след вел из кухни к лестнице, в ванную, обратно вниз и

на крыльцо. Потом он на машине поехал в город и пошел на вокзал Пиккадилли, где его арестовали. На его одежде обнаружили кровь нескольких человек. Его собственную, Мэгги, Артура, Мэри и, конечно, Лиззи. К сожалению, точно установлено, что она истекала кровью, когда покидала дом.

– Что случилось с телом?

– Величайшая загадка. Да, в полиции надеялись, что Вик проговорится инспектору Сатклиффу, но он ни тогда ничего не рассказал, ни сейчас. Полагаю, теперь мы уже никогда не узнаем. Бедняга Фрэнк, да?

Я кивнул, не зная точно, что стало с Фрэнком Муром. Но с ним нам еще предстояло поговорить.

– В прошлом Вика было что-нибудь подобное? – спросил я.

– Судимостей – нет, но, учитывая его образ жизни, трудно сказать наверняка.

– Нелюдим-одиночка? – уточнила Наоми.

Блейк кивнул:

– А после случившегося никто не горел желанием признавать знакомство с ним. По работе он много разъезжал. Занимался очисткой от асбеста, но в качестве внештатного подрядчика. Идеальная работа для того, чтобы вести кочевую, уединенную жизнь. Такой он, похоже, и хотел, пока не увидел Лиззи Мур. Я опросил работников из его шарашки, но толку от них было мало. Спокойный, неразговорчивый...

– И никто не высказал предположения, что он уже убивал

раньше?

– Лично я никогда не сбрасывал со счетов эту вероятность. В этой местности было несколько нераскрытых преступлений, связанных с пропажей людей, девочек похожей внешности, но мы так и не смогли установить, имеет он к ним отношение или нет. Он все время переезжал, и в его жизни было очень мало людей.

– А родственники?

– Единственный ребенок, родители умерли. Правда, есть еще бывшая жена...

Я посмотрел на него, а Наоми перестала записывать.

– Бывшая жена? – переспросили мы хором.

– Были женаты менее года, развелись до убийства. Больше сказать нечего. Возможно, у меня где-то сохранился ее номер.

– Было бы очень кстати.

– Вы сказали, что Фрэнк Мур совершенно обезумел из-за случившегося, – напомнила Наоми.

– Впоследствии он взял себя в руки. Кстати, не далее как утром я с ним беседовал, мы вместе занимаемся благотворительностью.

– Можно поинтересоваться, о чем был разговор? – продолжала Наоми.

– Вам интересно, был ли он счастлив узнать, что Мартина Вика заживо кремировали? Как и всякий, кто считает себя человеком...

– Его контактные данные нам тоже понадобятся.

– Разумеется. Сходите сегодня на его выступление. Полагаю, оно состоится, несмотря ни на что.

– Выступление? – переспросил я.

– Мотивационная речь. Так это, кажется, называется. Он ведет семинары по выживанию. Как вернуться к более-менее нормальной жизни после личной трагедии. Впечатляющая работа! Вот уж где охренительная сила воли, иначе и не скажешь.

Наоми сделала себе пометку.

– Вы связывались или переписывались с Виком после того, как его осудили?

Блейк помотал головой:

– Издатель предложил провести с ним интервью для книги, представить его версию событий, но я отказался. К тому же, как я уже упоминал, он был не особо разговорчив. Да еще вся эта история с отказом от подписанных показаний.

– Вы ему верили хотя бы ненадолго? – спросила Наоми.

– В чем именно?

– Что он не помнил, как совершал преступление...

Блейк ненадолго задумался, потом повернулся ко мне:

– Вы же его видели, Уэйтс. Что думаете?

– Что-то определенно выпало у него из памяти.

– Я пришел к такому же выводу, – сказал Блейк. – Он долго не подписывал признание, твердил про лунатизм, но в конце концов подписал.

Я не хотел говорить, что последние слова Вика звучали как настойчивый отказ от признания, но в то же время мне хотелось немного надавить на Блейка.

– Так вы никогда не сомневались в том, что он виновен?

– Я бы сформулировал это по-другому. Порой не совсем получалось воспринимать его как преступника. Он отмалчивался, и приходилось удерживаться от того, чтобы не приписывать ему чувства и действия. Большие черные глаза, полное отсутствие эмоций... Нетрудно было что-нибудь за него додумать. Приходилось помнить, что мы, возможно, сами наполняем его содержимым, как пустой сосуд. Многие ненавидели его с самого начала.

– Да, непросто вам приходилось.

Блейк кивнул:

– Особенно потому, что я все же следовал интуиции, а она буквально кричала о том, что Вик виновен. И все улики говорили об этом. Мы ведь все время неосознанно собираем доказательства. Называем это интуицией, но на самом деле наше подсознание приходит к логическому заключению раньше, чем сомневающееся сознание. Так что мой совет – доверяйте своему чутью.

– С чего бы вы начали поиски? – спросил я.

– Убийцы Вика? Самым очевидным мотивом представляется месть, но, как и во время езды на автомобиле, правила движения заставляют притормаживать. Начинаешь подвергать сомнению свои выводы, потому что мозг ищет логику.

Зачем заодно с преступником убивать невинного полицейского? И поджигать еще одного? – Блейк посмотрел на меня, потом на Наоми. – Не ищите в этом деле логики. Не то спать не сможете. Убийцы действуют иррационально, исключение – профессиональные киллеры. Здесь кто-то просто не мог поступить иначе. Такого человека и нужно искать.

6

– То был я, – произнес Фрэнк Мур.

Мы стояли у дальней стены конференц-зала отеля «Рэдиссон», в здании, некогда именуемом Залом свободной торговли⁶. Мур заканчивал часовую лекцию о том, как пережить горе.

Кому, как не ему, знать ответ. Ведь он потерял троих детей и жену.

Мы опоздали к началу. В зале, где обычно проводятся свадьбы и благотворительные мероприятия, уже сидели сотни две человек. В основном нарядно одетых. Состоятельных граждан, которые могут позволить себе заплатить за вход и не идти днем на работу. Однако при близком рассмотрении становилось видно, чем еще все они похожи.

Измощенными лицами и покрасневшими глазами.

В присутствующих угадывались морально истощенные люди. Не находящие покоя, будто их мучает некий внутренний зуд. На внешности одних горе оставило явный след. Осушившиеся, полные тревоги лица. Носы алкоголиков, допившихся до белой горячки. Расстройства пищевого поведения, склонность к самоповреждению. Другие прятали горе за ди-

⁶ *Зал свободной торговли* – историческое здание в Манчестере (построено в 1853–1856 гг.), ранее служившее центром публичных выступлений и концертным залом.

зайнерской одеждой и членством в фитнес-клубах. Но все неотрывно смотрели на Фрэнка Мура, будто он – их последняя надежда.

Понятно почему.

Сильный, импозантный, ходячая двухметровая уверенность в крахмальной рубашке, обтягивающей мускулистую грудь. Образ дополняли синие брюки и светлые туфли. Почему-то обычная одежда сидела на нем как мундир. Наверное, сказывалось армейское прошлое. Волосы у него были черные, подстриженные аккуратным ежиком, а ровно посередине головы зигзагом молнии серебрилась седина.

Фрэнк Мур был какой-то неестественно ладный, будто отфотошопленная фотография. Располагающей и уверенной манерой говорить он напоминал хорошего адвоката, произносящего заключительное слово в суде.

– Я жил этими фотоальбомами, – говорил он слушателям. – Жил в прошлом, потому что у меня не было будущего. И тогда я сделал самое трудное. Перевернул страницу. Я смотрел на семью, за которую был в ответе. На дочек, сынишку, жену, которых должен был защитить. Но на следующей странице увидел кое-кого еще. – Он многозначительно посмотрел в зал. – Самого себя. Я и забыл, что тоже там есть. В этом фотоальбоме, в этой семье. Забыл, что и этого человека я когда-то любил. – Он повернул семейную фотографию на подставке сзади. Под ней оказался его увеличенный фотопортрет. – Это стало одним из тех переломных момен-

тов, о которых все говорят. Когда возникает светлое чувство, которое хочется сохранить в душе навсегда, чтобы защитить себя от будущих бед.

В зале понимающе закивали.

– Но согласитесь, горе чем-то похоже на сборщика налогов. Появляется в самый трудный момент и забирает больше, чем можешь отдать. Если вас уже постигла утрата, вы поймете, о чем мы сегодня здесь говорим. А если горе вас еще не коснулось, боюсь, однажды это произойдет. В книгах пишут про пять стадий горя. Отрицание. Злость. Торг. Депрессия. Принятие. – Мур оглядел зал, покачал головой: – Книги врут. Стадия только одна. Уильям Шекспир говорил: «Весь мир – театр». А я добавлю, что весь мир – театр трагедий. Как же нам заново выучить роль? Как снова выйти на сцену? – Он посмотрел на собравшихся, будто и правда знал как. – Надеюсь, в следующий раз вы придете, чтобы узнать ответ. – Он спустился со сцены к аплодирующим стоя слушателям, провел ладонью по седой пряди и направился к выходу.

Неужели это все?

Слишком похоже на то, что я видел во время ночных дежурств. На дилера, дающего клиентам попробовать наркотик задешево, чтобы, когда они подсядут, взвинтить цену.

Мы с Наоми последовали за Фрэнком. Он уселся за большой стол, заваленный буклетами, флаерами и рекламными материалами. Люди за нами уже выстраивались в очередь за

автографом.

Я подошел поближе к столу:

– Сильная речь!

Фрэнк задумался на мгновение, будто я сказал нечто, что не приходило ему в голову.

– Благодарю. Вы недавно понесли утрату?

– Да, не очень давно.

– Вы не успели к началу, – сказал он. – Ничего страшного, просто вряд ли у вас сложилось полное представление о том, что мы можем предложить. Возможно, вам обоим подошел бы один из наших четырехнедельных тренингов. – Фрэнк взглянул на растущую очередь. – На нем мы обсудим мою историю жизни, и у вас будет возможность поделиться своей. Также выступят опытные слушатели наших курсов.

– А какова ваша история? – спросил я.

– Думаю, она вам известна, детектив. – Мур подкрепил свои слова улыбкой. – Как видите, я, скорее всего, буду очень занят несколько часов, но можем встретиться сегодня позже. Буду крайне счастлив обсудить с вами мою историю.

– Простите, мы не хотели...

Он покачал головой:

– Мне льстит, что вы интересуетесь программой. И я говорил серьезно: думаю, вы оба извлекли бы из нее много пользы – многим полицейским она помогает.

– Позвольте полюбопытствовать, сколько стоит программа? – спросила Наоми.

– У нас разнообразные тарифы, для любого уровня дохода. Если нужна помощь, обязательно что-нибудь придумаем.

– Вам Кевин Блейк позвонил и предупредил, что мы придем?

– Кевин? Нет. Просто видно, что вы из полиции, миссис...

– Детектив-констебль Блэк, – улыбнулась Наоми.

Я глянул на растущую очередь:

– Можем прийти к вам сегодня вечером, домой или куда удобнее.

– Буду рад. – Мур встал и пожал руку мне одному. Потом дал мне свою визитку, и мы вышли из очереди.

– Думаешь, он правда поговорит с нами? – спросила Наоми уже в машине.

– Да он вроде не увиливал от разговора. Если у тебя дела, я без проблем съезжу к нему один. – Я знал, что играю с огнем, но, чтобы бросить это дело и исчезнуть из города, надо стряхнуть Наоми с хвоста.

– А ты бы такой вариант предпочел? – помолчав, уточнила она.

Я бы вообще предпочел расследовать это дело с Сатти. Суперинтендант Паррс всегда ясно высказывался о наших ролях в паре. Один устраивает неприятности – другой за них отдувается. А кто именно что делает, его не волновало. Но какую роль играет Наоми? Приятеля или предателя?

Любопытно, что Фрэнк Мур воспринял ее столь недружелюбно.

– Пожалуй, к этому делу лучше подбираться с разных сторон, – заметил я. – Какой смысл всюду ходить вместе?..

Наоми какое-то время молчала.

– А как тебе версия суперинтенданта? Что покушались на тебя?

– Что, прости?

Вид у Наоми был виноватый, будто она о чем-то проговорила.

– Тогда на крыше, после убийства Вика, Паррс сказал, что мы должны проработать эту версию. С этой стороны мы к делу еще не подбирались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.